

антология ужасов в Instagram

18+

СТРАХ

ИЛИ

ОКОЛО

ТОГО

НЕ ЧИТАЙ
В ТЕМНОТЕ...

Александр Гусев

Страх или около того

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704665

ISBN 9785449672858

Аннотация

Никогда ещё страх не подбирался так близко. Вы почувствуете его кожей. Липкий и холодный, он сойдет со страниц этой книги, чтобы прожечь до глубины души. Десятки независимых авторов рискнули столкнуться с бездной. Мы рассказали о том, о чем принято молчать. О том, о чем изо всех сил хочется забыть, но не всегда получается. Здесь собраны ваши самые жуткие мысли и странные фантазии. Осторожно! Сборник пропитан страхами. И почти все они – реальность. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Взгляни страху в глаза	9
Ея Россо / @ryzhest76	9
Анна Лазарева / @writer_anna_lazareva	17
Вережников Алексей / @vyrdalak47	21
Анна Матвиенко / @arys_pole	42
Алекс БЭНГ / @writer_alex_bang	48
Губин Александр / @san_welder	50
Надя Рабцевич / @slovonade	56
Катерина Сергеева / @veleena_wonderland	59
Анастасия Данилова / @an_astasiia1387	62
Олег Вергуленко / @pisatel_oleh_verhulenko	66
Ильина Анна / @nomerlina	77
Эмма Грейс / @emma_book9	80
Дмитрий Мацюк / @dmitry_matsyuk	84
Iznanka_9 / @iznanka_9	97
Полина Киселева / @poulineki	101
Диримова Марина / @mari_homewriter	105
Анна Федотова / @annafedotova7874	110
Алиса Аве / @alisaave	116
Семенова Александра / @aliskoshkina	120
Валерия Абрамова / @astarta_demetrious	127
Людмила Райот / @dreamwrite	130

Часть 2. Не оглядывайся	132
Ея Россо / @ryzhest76	132
Анна Лазарева / @writer_anna_lazareva	138
Евгений Демин / @deminestory	140
Алекс БЭНГ / @writer_alex_bang	146
Лена Улей / @lenauley	149
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Страх или около того

Редактор Александр Гусев

ISBN 978-5-4496-7285-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

11 марта 2019 г. – Круто изменилась моя жизнь. Я познакомился с удивительными людьми. У каждого из них своя жизнь, своя история, свой взгляд на мир вокруг.

Я горжусь, что смог стать частью этого потока. Крупицей в жизни каждого из них. Низкий вам всем поклон, дорогие авторы, пришедшие ко мне на fear_марафон в Instagram.

Все вместе мы написали ряд рассказов. Для тебя, наш дорогой читатель. Они могут показаться тебе смешными, грустными или даже страшными (как мы изначально и планировали). Но в одном я уверен точно. Эти истории не оставят тебя равнодушным. Они могут разделить твою жизнь на «ДО» и «ПОСЛЕ». В твоих руках – мощный инструмент. Найди в себе силы воспользоваться им. Тогда ты сможешь увидеть мир нашими глазами.

by @writer_gus

Мы нашли вашу дочку. Белокурая девочка 9 лет. Голубое платье с бантиками и сережки в виде котиков. С ней был плюшевый рюкзачок, на кармашке нарисован пони, внутри фломастеры. Готовы приехать на опознание тела?

by @writer_anna_lazareva

Как же мне мешала заснуть всю ночь эта дурацкая картина на стене с изображением какого-то уродца. А утром, при

первых ярких лучах солнца я вспомнила, что ночевала в гостях у сестры на 10 этаже, а там, где была картина, на самом деле находится окно.

by @helga_kam

Не стоит считать, что все одинаковые. Я вот не такая. Я особенная. Только почему-то никто этого не замечает. Как один твердят: да ладно тебе, живи как все. Зачем ты ночами пропадаешь в этой изостудии? Сейчас вон маньяк объявился, молодых и не очень ловит. Убивает. Зачем-то мозг вытаскивает. Ты поаккуратнее бы. Рисование того не стоит! А я что? Я не могу. Каждую ночь я иду в свой собственный кружок, где ищу тот самый идеальный мозг, который нужен мне. Люди все такие разные, только вот ведут себя всегда одинаково. Сначала паникуют и плачут, потом кричат, а потом затихают. Навсегда...

by @zay4iwe

Пиявки.

Красный сигнал.

Пиявки-камикадзе...

Красный.

Пиявки-камикадзе в центре...

Красный.

Пиявки-камикадзе в центре Сыктывкара...

Красный.

Пиявки-самоубийцы в центре Сыктывкара захватили

большегруз с печеньем и требуют выкуп – четыреста литров крови.

Устройство замешкалось. Неужели? Он нашел то, о чем еще никто никогда не писал!

Красный.

Несколько секунд ликования сменились жесточайшим разочарованием.

Шел двадцать второй век. Идеи для литературных произведений были исчерпаны...

by @mari_homewriter

Часть 1. Взгляни страху в глаза

Ея Рocco / @ryzhest76

Рассказ: «Вчера меня не стало»

Не крутитесь долго возле зеркал. Не разговаривайте со своим отражением. Не поднимайте осколки голыми руками. Не смотрите в треснувшее зеркало, себя потеряете. Не выкидывайте разбитое зеркало без воды и молитвы. Не плачьтесь зеркалам на свою жизнь. Не ищите в зеркалах прошлое, настоящее и будущее. Не покупайте старинных зеркал... Кто знает, кто скрывается за ними...

Я вглядывалась в черты лица женщины, стоящей напротив меня. Где-то я ее уже видела. Но холодный блеск зеленых глаз, бесстрастное выражение лица, отблески медных волос, бликующие сквозь матовую завесу тумана, не позволяли понять увиденное. Тонкие губы, искривленные в легкой улыбке. Темная точка над верхней губой, похожая на некрупного паучка, приковывала внимание.

На секунду я представила, как маленькая противная тварь перебирает лапками по коже, и меня передернуло от брезгливости. Не то, чтобы я боялась пауков, но все ползающие

гады не вызывали во мне доверия. Мало ли, куда их занесет. Человеческое тело – большая многовходовка в плане отверстий. В них может зародиться что угодно.

Меня не отпускала мысль, что я смотрю и не вижу, упуская нечто важное. Осознание начало зарождаться где-то в центре солнечного сплетения, остро стукнув кулаком в подреберье. Сердце пропустило удар и забилося с бешеной скоростью. Кровь горячей лавой заплескалась в ушах.

Я медленно подняла правую руку, и притронулась пальцами к родинке на своей щеке. Эту не очень крупную отметину я любила: она добавляла шарма моей и без того харизматичной внешности. Внимательный взгляд и вовсе мог обнаружить на моей правой скуле созвездие Большой Медведицы. Точнее, сам ковшик без хвостика, спрятанный в россыпи более мелких родинок.

Одновременно со мной жест повторила и женщина напротив, торжествуя блеснув зеленью радужки, влажно пульсирующей в глубине странной полупрозрачной тьмы: поразительно живой, пружинящей чужим дыханием. Стремясь разглядеть незнакомку и разгадать мучавшую меня загадку, я невольно сделала шаг вперед и вздрогнула.

Улыбка дамы заиграла красками, губы приобрели темно-коралловый цвет, с тем едва заметным оттенком алого, что так нравился мне в помаде. Темнота колыхнулась и будто шагнула назад, позволяя мне разглядеть детали. Невозмутимая особа не сводила с меня глаз, стоя в какой-то арке

причудливой формы, увитой плющом. Я прищурилась, вглядываясь в рисунок листьев, и снова подалась вперед, словно что-то манило меня из глубины отступавшей понемногу тьмы. Наши руки синхронно упали низ, и я недовольно скривилась: дурацкая шутка начинала действовать на нервы.

Где-то глубоко-глубоко внутри бездонного колодца моих личных ужасов, фобий и боязни липкая мутная жуть приподняла голову и робко, словно пробуя на вкус, лизнула краешек моей души страхом. Я вдруг поняла, что тишина давит сильнее, чем взгляд особы напротив, копирующей каждый мой жест и движение. Раздражение противоядием выплеснулось наружу, заглушая панику и вызывая злость.

Стало светлее, и оказалось, что женщина стоит в проходе, заплетенном виноградной лозой с тяжелыми кистями ягод. Какая-то мысль назойливым комаром забилась в моей голове, судорожно выдавая ассоциативные картинки. Но ни одна из них не походила на виденное мной. А затем глаза выхватили некрасивый шрам, пересекающий лицо незнакомки, и я выдохнула: несмотря на безумную схожесть, молчаливая дама напротив не была мной. Она была моим... отражением.

«Точно, черт меня подери! – радостно забилось сердце в груди. – Это всего-навсего мое отражение! Я испугалась зеркала!»

Улыбка облегчения тронула мои губы, и матовая поверхность вернула ее обратно. «Но откуда шрам?» – колыхнулась жуть внутри. Я нахмурилась и протянула руку к мерцающей

жемчужной пылью амальгаме. Я-отражение потянулось мне навстречу. Наши ладони встретились на перекрестье двух миров. Я осторожно прикоснулась пальцами к глубокой трещине в стекле и вздрогнула: мне показалось, что я дотронулась до уродливого шрама на человеческом лице. По странному совпадению зеркальный скол с точностью повторял рисунок отметины, черной паутиной бегущей от правого виска по скуле до подбородка на шею.

Где-то внутри меня щёлкнул дверной замок. Я вспомнила: вчера меня не стало.

Я стекла вниз по холодному зеркалу, за которым, торжествуя улыбаясь, стояло мое отражение. Прислонилась горячим лбом к стеклу и застыла. Память ледяными волнами накрыла разум, выжигая остатки чувств

* * *

Я умерла спустя секунду после того, как перестало биться сердце моего ребенка. Пьяный водитель, потерявший управление, влетел на детскую площадку, и мой мальчик просто ушел.

Вечность в ожидании скорой. Ватные коридоры больницы. Темнота и запах смерти. Смерть пахла мимозой.

Я больше не люблю мимозу.

Чёрное зеву могилы. Руки мужа, поддерживающие меня на краю. Меня больше нет, но никто этого не видит. Пустая оболочка. Шелуха. Тело без души. Кукла с мертвыми глазами. Сколько времени прошло с тех пор?

Не помню.

Муж... Красивый мужчина немного за тридцать. Его волосы полиняли в ту ночь, когда мы стояли, обнявшись, у ворот в ад. У белых дверей операционной. Демоны в бирюзовом сочувственно взмахнули крыльями и забрали моего мальчика в зазеркалье.

Я больше не люблю бирюзовый. Я полюбила бездушную гладь стекла.

«Открой зеркала», – девять ночей шептал чей-то голос во сне. И я сдалась, не в силах сопротивляться. Отраженная реальность, заключённая в серых омутах, вернула мне сына. Это было так просто.

Его залиvistый смех. Улыбка. Взгляд. Голос. Но этого было мало.

День за днем я вжималась всем своим мертвым телом в прозрачную дверь зазеркалья, в надежде прикоснуться к своему малышу. Вновь ощутить его тепло и сладкий запах молока и меда. Вглядывалась в серый туман за его спиной, мечтая увидеть дорогу, по которой он каждое утро возвращался в наш дом, чтобы на закате покинуть его.

Однажды муж уничтожил все переходы в зазеркалье. Впервые после точки невозврата я ощутила себя живой: утробно рыча, я проклинала человека, которого любила когда-то. Второй раз мой сын умер у меня на глазах, убитый родным отцом.

Собирая осколки, я всматривалась в раскромсанные пере-

крестья дорог в надежде увидеть моего мальчика. Но видела только свое искаженное ужасом лицо и неподвижный густой туман. С каждым пустым осколком зеркало моей души тускнело все больше, забирая остатки счастливой когда-то жизни.

Муж ушел. Входная дверь щелкнула, отрезая путь назад.

Я собирала стекла голыми руками, окропляя их своей горячей кровью. Амальгама пузырилась на кончиках пальцев, но я не чувствовала боли. Где-то на гранях зазубренного стекла мелькнул вихрастый затылок, и я пошла за ним по разбитым стеклам своей мертвой жизни.

Зеркало в прихожей. Его мы купили, когда до рождения нашего мальчика оставались считанные дни. Красивое, в пол, в причудливой раме. Оно треснуло, когда взбешённый мужчина убивал меня, топча каблуками мертвое сердце. Но когда он ушел, в арке из виноградной лозы стояла, держа за руку моего малыша, женщина. Такая, какой я себя уже и не помнила: прекрасная, статная, сильная. Любящая и любимая.

* * *

Я-отражение прикоснулось рукой к трещине, тонкой паутинкой разрезающей моё-её лицо.

Я-реальная потянулась навстречу. Наши ладони встретились на перекрестье двух миров.

Меня замутило: пальцы окунулись в открытую резаную рану, горячую и пульсирующую жизнью. Я дернулась назад,

убираясь прочь от стекла. Тонкая темно-серая живая паутинка, похожая на ртуть, потянулась следом. Я поднесла свои руки к глазам, изумленно наблюдая за тем, как странное вещество нежно облегает каждый мой пальчик, ладонь, облегает кисти подобно лайковой перчатке.

Зажмурилась. Замерла. Встряхнула руками. Распахнула ресницы. Но живая субстанция продолжала покрывать мою кожу тонким налетом сероватого воска. Я подняла глаза и впилась взглядом в своего почти двойника.

Женщина в зеркале победно улыбалась. Серый туман отступал. Мир зазеркалья постепенно насыщался красками, будто заря поднималась по ту сторону стекла, озаряя все своими живительными лучами.

И я вспомнила.

«Не крутись долго у зеркала, внучка. Не разговаривай со своим отражением. Не поднимай осколки голыми руками. Не смотришь в треснувшее зеркало, себя потеряешь. Не выкидывай разбитое зеркало без воды и молитвы. Не покупай старинных зеркал...»

Бабушкины «не» последними каплями жизни перетекали по паутинкам от меня к женщине за стеклом.

Но теперь я была отражением. Темно-серая субстанция поглотила все мое тело. И затухающим взглядом я смотрела вслед самой себе.

Она встретила моего мужа приветливой улыбкой в легком весеннем плаще, не скрывающем аккуратный животик.

И не позволила ему даже глянуть в сторону старинного зеркала в тяжелой черной раме, увитой виноградной лозой.

Они уходили вдвоем – красивые и счастливые – в яркую долгую жизнь рука об руку.

Я умирала за темным бездушным полотном. Мертвая тишина убивала остатки моей души, отдавая последние краски свободному отныне отражению.

Последний раз я взмахнула ресницами и стала Зеркалом. Зеркалом Одержимых Душ. Зеркалом Прошлого. Зеркалом Зла.

Зеркалом без отражения.

Но однажды мне захочется стать счастливой...

Анна Лазарева / @writer_anna_lazareva

Рассказ: «Жених с того света»

– Главное – себя не накручивать, – сказала я и решительно шагнула за кладбищенские ворота. Нет, я не гот. Просто мне нужна могила, а могилы находятся только на кладбищах.

Ветер торопливо гнал облака по ночному небу. Луна то заливала бледным светом косые кресты, то погружала их во тьму. Я брела по главной аллее, высвечивая фонарем имена покойных. Вячеслав, Геннадий, Мария – всё не то! С леденящих памятников на меня смотрели суровые лица. Неужели нельзя было повеселей повесить фотографии? Словно съезд Политбюро ЦК КПСС!

На старом дубе каркнула ворона, я вздрогнула и чуть не уронила фонарик. Так, спокойно! Здесь все мертвые! Ну, кроме этой дурацкой птицы.

Центральная аллея мне не явно не подходила. Все надгробия из мрамора, бетона или гранита. А мне нужна земля. Сырая земля. Я посветила на едва приметную поросшую травой тропинку, уходящую куда-то вглубь могил.

Эх, Саша, Саша! Не ценишь ты, на что я ради тебя готова!

Прижимая к груди сверток, я двинулась по тропинке.

Саша появился у нас в офисе еще полгода назад. Мы за-

стряли с ним в лифте и между нами проскочила искра. В общем, нам суждено быть вместе. Я перепробовала всё: надевала под юбку чулки, просила то степлер, то дырокол, даже шарлотку притащила на работу. Саша шарлотку слопал, похвалил, но дальше дело не продвинулось. И тогда я решила брать всё в свои руки! Нашла старую бабку-гадалку, которая научила, как можно приворожить любого мужчину.

Нужной могилы всё не было. Да что ж за напасть-то такая! А если бы его не Саша звали, а Ричард? Всё? Ходи весь век в девках?

Внезапный порыв ветра поднял вихрь пожухлой листвы, протащил его по мои бирюзовым найкам и рассыпал за ближайшей оградкой.

Ну наконец-то! Луч света выхватил из мрака могилу с нужным именем. «Кузнецов Александр Семенович, 1989 – 2018» – гласила металлическая табличка. С фотографии на меня смотрел улыбчивый парень.

Я аккуратно переступила через невысокое ограждение и присела перед земляным холмиком. Чёрт! А чем я буду копать? Об этом я не подумала.

Кроны деревьев вновь зашумели от ветра. Недалеко ухнула сова и её крупный силуэт плавно взмыл в ночное небо.

– Это всё ради любви! – уверила я себя, взяла фонарик в зубы и принялась копать ямку голыми руками. Влажная земля вперемешку с глиной застревала под ногтями. Внезапно я коснулась чего-то слизкого. В ужасе я взвизгнула, вско-

чила на ноги и чуть не убила выплюнутым фонарем жирного бордового червя, которого я выкопала. Потревоженный кольчатый червь хаотично извивался. С отвращением и брезгливостью я отпихнула его фонарем куда подальше, развернула сверток, достала из него свою фотографию, перевязанную красными шерстяными нитками, золотое кольцо и венчальную свечу. Фотографию и кольцо я положила в могилу, а свечу зажгла и принялась нашептывать заученный наизусть приворот:

«Я не свечу зажигаю, а душу и сердце раба Божьего Александра зажигаю...»

Снова поднялся сильный ветер, а коварная луна подло спряталась за облаками. Нельзя прерываться! Пламя свечи дрожало, волосы лезли в глаза, а в кустах позади что-то зашелестело. Быстрей! Быстрей!

«... чтобы раб божий Александр без меня не мог бы ни жить, ни ходить, ни лежать, ни спать...»

Гадкая сова снова заухала. Неподалеку раздался скрип. Мамочки, как страшно! Я всё еще бубнила слова. Главное, не запнуться! Осталось совсем немного.

«... да помогут мне ветры буйные, травы дикие. Ключ. Замок. Да будет так»

Всё! Я почти кинула свечу в могилу, наспех прикопала свой клад и поспешила к выходу.

– Не бежать! Не бежать! – твердила я. Так велела старуха. Оглядываться тоже нельзя. Из-за адреналина в ушах шуме-

ло, сердце колотилось, а ноги непроизвольно несли меня всё быстрее. Добравшись до центральной аллеи, я кинула через левое плечо горсть монет – откуп для чертей. Всё, дело сделано! Теперь – главное не оглядываться. До ворот оставалось совсем не много. Меня не покидало отвратительное ощущение, что за мной кто-то следит. Проверить я не могла. Заговор очень сильный, нельзя же всё испортить. Мне кажется, позади слышны чьи-то. Или это ветер? Господи, пусть это будет ветер! Вот они, ворота! Граница, разделяющая мир живых и мертвых. Теперь я в безопасности!

Я захлопнула входную дверь и поспешила в ванную отмывать кладбищенскую грязь. Бурая вода и мыльная пена с журчанием стекали в раковину. На часах было двадцать минут четвертого. Надо хоть немного поспать, завтра на работу. Я переоделась в уютную пижамку и отправилась в кровать.

Проснулась я от странного звука. Что и кому от меня надо? Я села в кровати. Стучали по стеклу.

Я одернула штору и в окне увидела... Сашу!

От ужаса я не могла ни пошевелиться, ни закричать, потому что это был не мой Саша. Это был Кузнецов Александр Семенович, 89-ого года рождения. Он больше не улыбался, как на фотографии. Его синеватое лицо с похоронным венчиком на лбу в свете уличного фонаря казалось особенно жутким. В руках мертвеца что-то блеснуло. Моё кольцо. Приворот сработал. Только я приворожила не того.

Вережников Алексей / @vyrdalak47

Рассказ: №113

13 апреля 1983 года, Горький.

Запах весны уже основательно пропитал прогретый солнцем воздух. Тонкие ручейки чудными узорами стелились по асфальтированным тротуарам. Птицы заливистым щебетанием приветствовали коронацию весны. Но двум сотрудникам милиции было не до буйства природы, просыпавшейся от зимней спячки.

Несмотря на обеденный перерыв, сержант Петр Иванович Свердлов и его молодой помощник Андрей Симонов сидели в кабинете, склонившись над стопкой картонных папок. На одной из них было отпечатано строгим шрифтом «ДЕЛО». Рядом красными чернилами прописан от руки номер 113.

Содержимое этой папки не давало покоя обоим коллегам.

– Двое пропавших школьников, Симонов. Мальчик и девочка. Прошло без малого три недели после открытия дела. А у нас ни хрена нет! – сквозь зубы цедил сержант, нервно дымя «Примой».

– Иваныч, кажется, уже не двое... Час назад передали с корреспонденцией заявление о еще одном пропавшем ребенке. Из той же школы.

– Бл-кхе-екрасно! – почти выругался старший. – Что делать будем? Наружка вокруг этой школы выставлена. И за две недели парни не обнаружили ничего подозрительного. Неужто «ростовский синдром» добрался до наших краев, и у нас тут завелся свой «Красный Потрошитель»?

– Тут кое-что еще... – задумчиво произнес Симонов, копаясь в бумагах. Он протянул мятую, пожелтевшую от старости записку. В заглавии было напечатано «Донесение». Без указания отправителя, но отмечен получатель: Свердлов П. И.:

«Издательство 1937 год».

Дальше отрывисто, зеленым карандашом накарябано:

«ЛЕ I-III-II- I A 37 (ТРАшI-IA TE III- I 0»

Петр Иванович взял в руки письмо и прочитал вслух:

– Ленина 37, страшно, темно... Писал будто ребенок и в спешке... Андрей, а вот и наша зацепка!

– Иваныч, думаешь, это оно?

– Оно, оно... Чуйка сработала.

– Не подводила она?

– Я тертый калач. За 38 без малого лет эта чуйка у меня как «Сокол-308» откалибрована, – довольный остроумным сравнением сержант расчесал свои мощные усы.

– Скажешь тоже, Иваныч! Главное, чтоб «прибор» твой не подводил! – усмехнулся неопытный милиционер Андрей.

– А ну-ка, Симонов, смирно! По форме собрался, тридцать секунд на сборы! – голосом командира роты рявкнул

сержант. – Недоросль распоясавшаяся, мля!

Улица просто горела солнцем и шумела весенним звонким купели. Андрей стоял на крыльце отделения и жадно вытягивал носом ароматный воздух. Свердлов, выйдя из здания, хлопнул по плечу молодого, намекая на то, что пора выдвигаться. Они спешно погрузились в табельную «канареечную» 24-ю «Волгу». Сержант повернул ключ зажигания, мотор подхватил с пол-оборота и начал приятно шелестеть.

– Выйду на пенсию, заберу эту ласточку с собой. Думаю, с начальством договориться удастся. На ней на дачу ездить буду, и картошку в багажнике удобно возить – много влезет.

– Петр Иванович, опять ты за старое держишься... Надо седьмой «Жигуль» брать! Вот, она новая мечта.

– Тьфу ты! Малой, ты у меня в отделе уже год околачиваешься после учебки и постоянно слышу от тебя о новой мечте. Тогда «шаху» хотел, сейчас «семерку», через год увидишь какую-нибудь... «восьмёрку». И вот новая мечта готова! 23 года, а мозгов... Да что уж, молодо-зелено. Армия таких не исправляет, только жизнь – со временем повзрослеешь, ценности поменяются.

Оставшуюся дорогу они ехали молча.

Легкое волнение вперемешку с адреналиновым напряжением, какое испытывает хищный зверь перед броском на свою жертву, повисло в машине.

Андрей дважды подтянул кобуру и один раз достал та-

бельный ПМ – удостовериться, что с ним все в порядке. Ну и немного побаловаться, пристегнув-отстегнув магазин. В эти моменты он чувствовал себя разведчиком или тайным шпионом.

Въехав в ничем не примечательный двор типичной хрущевской застройки, милицейская машина остановилась возле единственного подъезда дома 37.

Симонов осмотрел постройку. Дом выглядел как «недострой» – вместо пяти этажей было только три. Всего один подъезд, весь покосившийся. Внешняя отделка была старой и местами будто от стен кто-то отгрыз куски бетонной плоти. Строили дом словно из остатков материала на сдачу из магазина. Глядя на сооружение, хотелось сразу отвести взгляд и не замечать, словно глаза не верили в столь противоестественный образ архитектурной мысли в благополучном районе.

– М-да, тот еще сарай, смотреть противно, – подытожил вслух мысли Андрея Петр Иванович, – вперед и с песней! Пора закрыть дело №113. Сержант будто пытался подбодрить сам себя этими словами. Но уверенности в них не слышалось ни на полтона.

Милиционеры вышли из машины. В лица сразу ударил сильный ветер, пробирающий до костей. Сержант тихо выругался, пытаясь закурить папиросу, но быстро бросил эту затею, осознав её бесполезность.

Обстановка в подъезде оказалась еще более подозритель-

ной. Планировка лестничной клетки предполагала только две квартиры на этаж. Причем их двери располагались г-образно относительно друг друга. И все бы ничего, но оба проема были наглухо заколочены досками. На втором этаже посетителей встретила та же картина.

– Куда смотрит управдом, если у него тут такой гадюшник творится? – бурчал себе под нос сержант.

Третий этаж, на удивление, встретил милиционеров вполне приличными дверями. На одной был установлен глазок, другая была простая, но добротная фанерная дверь, на которой крепился номерок «3».

На каждом пролете на стене висел только один почтовый ящик. Судя по нумерации и числу ящиков, можно было предположить, что на каждом этаже только одна квартира. По всему создавалось впечатление, что дом проектировал человек, у которого явно были не все дома.

– Бдудух! – от мыслей милиционеров отвлек внезапный грохот, донесшийся из-за двери под номером «3». Звук был похож на тот, с которым падает тяжелый платяной шкаф.

Свердлов спешно достал из кобуры пистолет и прижался к стене. Левой рукой он молча приказал напарнику поступить также.

– Прижмись вдоль стены за мной. Черт, похоже нас срисовали! Некоторые советские граждане имеют на руках двуствольные дробовые ружья. Судя по месту, пределом гостеприимства здешних хозяев будет дуплет через дверь по нам.

А шкаф они уронили, чтобы организовать для себя импровизированное укрытие... Сейчас мы стоим вдоль стены и снап картечи пролетит мимо нас... Максимум зацепит по касательной парой дробинок. Это явно лучше, чем поймать весь заряд брюхом, – прочитал молодому короткую лекцию «тертый калач». – Мы точно на верном пути. Возможно придется стрелять.

Милиционеры замерли в ожидании следующего шага от хозяев. Но кроме образовавшейся мертвой тишины и пульсирующего стука в собственных висках от напряжения они ничего так и не услышали. Эффект неожиданности с обеих сторон был утерян.

– Милиция, откройте дверь! Сержант Свердлов. По нашим данным по данному адресу находятся недавно исчезнувшие дети. Прошу оказать содействие органам правопорядка в оперативно-розыскной работе!

В ответ раздался короткий детский смех.

– Дети, вы там? С вами есть взрослые? – с еле сдерживаемыми нетерпением и паникой спросил Петр Иванович. Затем он приблизился к двери, лелея призрачную надежду, что та может оказаться не заперта. Хотя было очевидно, что такого подарка судьба не преподнесет.

– Надо выбивать...

– А это вообще законно? – решил уточнить Андрей. Одновременно с этим его рука пролезла в щель почтового ящика. Он нащупал ключ!

– Здесь закон мы! Действовать надо без промедления.

* * *

Крепкий удар ноги 90-килограммового мужика не возымел успеха над дверью. Повторный маневр тоже не дал результата.

– Сержант, держи ключ! – торжествующе произнес Симонов.

– Уступлю это право тебе, – потирая ушибленную ногу ответил товарищ.

Замок легко поддался. Дверь отворилась. Но ключ застрял в скважине и никак не желал извлекаться наружу. Словно весь механизм запора проржавел в один момент.

Милиционеры вошли в прихожую. Они не заметили ничего не обычного. Осторожно, сантиметр за сантиметром, коллеги начали осматривать пространство. На первый взгляд, квартира казалась пустой. Самая обычная однушка. Значит, предположение, что на этаже только одна квартира, оказалось ошибочным.

В помещениях витал стойкий прелый запах старости. Нестерпимая духота и плотный слой пыли, покрывавший все горизонтальные поверхности, позволяли подозревать, что квартиру очень давно не проветривали и не убрали. Да и все окна были заклеены газетами.

Перешагнув через порог прихожей и сделав шаг в комнату, милиционеры услышали, как сзади громко захлопнулась входная дверь.

– Мля, сквозняк, черт бы его! Так поседею быстрее положенного, – буркнул Петр Иванович. В следующую же секунду мертвенную тишину просто разорвал скрипучий вокал:

«Сердце тебе не хочется покоя!

Сердце, как хорошо на свете жить»

Старый граммофон, стоявший на полке, громко надрылся через рупор. Источником распевных куплетов был диск старой пластинки болотного цвета без этикеток. На вид ей было лет не меньше, чем самому граммофону. Несмотря на известность и популярность песни, за счет старости оборудования звучание ее было словно на более низких тонах и слегка замедленно. Это создавало неприятное ощущение.

– Мое сердце, похоже, сейчас навсегда обретет покой, – сбивчиво произнес Свердлов, пытаясь справиться с нервной одышкой.

– Ага, мое уже... того, – в полуобморочном состоянии ответил побледневший Андрей и медленным шагом направился к проигрывателю, чтобы выключить.

Квартира вновь погрузилась в тишину. Переведя дух, сержант достал сигарету и закурил. Пару раз он стряхнул пепел на дощатый пол, выкрашенный коричневой краской, стараясь не попасть на круглый ковер, который лежал по центру комнаты.

– Пустая комната, в которой все на своих местах, порядок. Но пыль и явно давно никто не живет. Что тут творится вообще? Этот дом меня пугает до чертиков. Я так неудобно

себя даже в гостях у тещи не чувствую, – поделился впечатлениями старший милиционер.

– Давай осмотрим тут все внимательно, – предложил молодой напарник.

– Разумно! Я тут огляжусь, а ты осмотри ванную и кухню. Только сильно не буйань и не ешь ничего из холодильника.

– Вот зачем напомнил! И так сегодня без обеда. Все ты, старый пердун.

– Полегче на поворотах, молодой-горячий... хрен ходячий, – парировал Свердлов.

Андрей выдвинулся в прихожую, дернул дверь ванной комнаты. Та оказалась заперта изнутри. Притом не как обычно – на шпингалет, когда у нее оставался бы минимальный, но свободный ход. Создавалось впечатление, что ручка прикреплена к стене – монолитной и холодной. Дверь в кухню была также намертво закрыта.

– Опа, а это что у нас тут такое? – громко спросил сержант, садясь на корточки над ковром.

– Что и где? – из прихожей показалась фигура Симонова.

– Помоги-ка мне, под ковром что-то есть.

Здрав ковер, милиционеры недоуменно переглянулись. Их глазам предстал странный символ, выстроганный прямо на деревянных досках пола. На вид стандартная пятиконечная советская звезда. Но она была обведена в круг. А каждый из секторов был усеян странными символами, выведенными желтой краской.

– Это явно не немецкий и не английский языки, – задумчиво произнес Андрей.

– Ага, больше похоже на китайские или арабские символы, – подтвердил Петр Иванович, – стой! А это что?

Свердлов указал пальцем на один из углов звезды. В этом месте отчетливо виделись размазанные пятна бурого цвета.

– Кровь, похоже, – Симонов снял фуражку.

– Кажется, мы опоздали, – отметил старший напарник, – что у тебя с остальными помещениями?

– Заперты наглухо. Словно двери – это единое монолитное целое со стенами.

– Нужно тут все перевернуть вверх дном, обыскать и вскрыть чертовы двери! – решительно воскликнул сержант.

Начался тщательный последовательный обыск помещения. Кровать, простыни, матрас, подушки – в них не найдено ничего. Телевизор, граммофон... А вот в его рупоре оказалась припрятана связка старых ключей.

– Нашел ключи! – поделился находкой Андрей.

– Отлично, Симонов! Складывай на стол все полезное, что найдешь.

Оглядев комнату, Симонов обратил внимание на кресло, которое они пока еще не осматривали. Попытка подвинуть предмет мебели с места не увенчалось успехом.

– Сержант, не сможешь подвинуть, а то я каши мало ел, – беспомощно корячился около кресла Андрей.

– Хрена себе! Как влитое! – пришедший на помощь напарник тоже не справился, – И... холодное. Надо его вскрыть.

Увиденное не оставило равнодушным обоих служителей закона. Под снятым мягким сиденьем красовалась дробилка. Такую обычно используют для переработки камней в горнодобывающей промышленности. Но здесь она была как бы в миниатюре. Но самое жуткое, что на мощных ножах устройства была кровь и намотанный на лезвие клочок длинных светлых волос.

– Твою ж мать! Это точно не сон? Иваныч, ты раньше с таким сталкивался?

– Нет, такого я не видел. Больные твари...

– Там dna невидно! – глядя сквозь ножи дробилки, сказал изумленно Симонов. – Под полом, похоже, погреб. Понятно, почему так тянет холодом. Но мы ведь на третьем этаже. Бред...

– Мне все это вообще нравится все меньше. Чуйка моя просто беситься. Неладное тут твориться. Такого быть не должно в принципе.

– Туда должен быть какой-то проход, – у Андрея не на шутку разыгралось любопытство, – Иваныч, смотри-ка внимательно – что-то запуталось в волосах.

Андрей протянул правую руку к механизму и осторожно ковырнул слипшиеся от крови клочки волос. В них он нащупал что-то твердое. Подцепив пальцем, милиционер до-

стал пионерскую звёздочку. Вытаскивая атрибут советского школьника, Симонов качнул вал машины. Внезапно механизм пришел в движение. С легким хрустом адская машина быстро набирала обороты.

Милиционер среагировал моментально и одернул руку. Но через мгновение его кисть охватила невыносимая боль. На правой руке отсутствовали 2 пальца. Андрей взвыл от боли и упал навзничь. Кровь текла маленькими струйками по полу.

– Андрюха! Держись, черт бы побрал всю эту канитель! Не теряй сознание! Сейчас что-нибудь придумаю, – сержант, несколько раз поскользнувшись и размазав кровь напарника по полу там, где была вычерчена звезда, метнулся к кровати, схватил с нее простынь и на бегу начал рвать на лоскуты.

– Эх, Симонов, теперь ты фрезеровщик-третьеразрядник, – с нервной усмешкой Свердлов начал перевязывать изуродованную кисть молодого подчиненного.

Боль в руке Андрея пульсировала и разливалась до плеча. Дрожь в ногах от шока не давала почувствовать опору, кровавая пелена повисла перед глазами. Симонов на короткие мгновения проваливался в беспамятство и возвращался обратно, выныривая из небытия на зов Петра Ивановича. А потом черный вихрь снова подхватывал его, пытаясь унести в глубины подсознания, далеко за пределы этого мира.

Увесистая звонкая пощечина вернула сознание парня на место.

– Да в строю я, в строю! Хватит меня по роже хлестать, – слабым голосом попытался возмутиться Андрей.

– То-то же! Отрубился ты минут на десять. Я уж думал, совсем дела плохи. Ан нет, крепкий парень. Вот держи, по-может прийти в себя, – сержант протянул ему небольшую фляжку. Молодой, не вникая что внутри, поднес к губам и резко опрокинул содержимое в рот. Травяная настойка приятным теплом разлилась от желудка по всему телу.

– Спасибо, Петр Иванович.

Свердлов присел рядом и тоже пригубил немного из железной тары.

– Мне захотелось помолиться, – вдруг сказал Андрей после затянувшейся паузы, – раньше не хотелось никогда, а вот теперь понимаю, что надо.

– Если чувствуешь необходимость – делай! Осуждать не буду. Мало в нас духовности, один материализм и практичность. Может, и зря.

* * *

– Пока ты был в отключке, я изучил обстановку и поискал личные вещи. И вот что выяснил, – поделился открытиями сержант, – проживает тут женщина. Зинаида Петровна Каркозова, 1903 года рождения, 80 лет, вдова. Детей нет. Вот ее фото. По образованию археолог. Поездила по миру. Возможно, отсюда и этот странный знак на полу.

– Похоже бабка за жизнь насмотрелась на всяких дикарей и решила тут свой культ организовать с жертвоприношени-

ями, – вертя в руках фото ничем не примечательной престарелой женщины изрек младший сотрудник.

– Все возможно. Я уже ничему не удивлюсь. Как рука?

– Пальцев не хватает, – хмыкнул Андрей.

– Если юморишь, значит, лучше!

– А куда мне деваться?

– Верно, поднимайся. Пора продолжать. У нас есть ключи.

Осталось понять, какие двери они открывают.

Милиционеры поднялись с пола, отряхнулись, поправили форму. Андрей сразу прошел к двери в ванную.

– Не заходите, я стесняюсь! Принесите мне одежду, – донесся детский девичий голосок из-за двери ванной комнаты.

Милиционер чуть не рухнул от неожиданности. Сердце заколотилось в бешеном темпе.

– Иваныч! Ты слышал?

– Что там?

– В ванной сидит девочка! Она только что откликнулась.

– Странно, не слышал ничего.

– Захвати из комнаты полотенце или простынь.

– Как скажешь...

Сержант схватил с кровати пустой пододеяльник и направился к напарнику.

– Малышка, можешь открывать, – сказал Андрей, тихонечко постучав в дверь.

– Только не подглядывайте! – отозвалась девочка.

Щелкнул шпингалет, дверь со скрипом отворилась. Пове-

яло холодным, уличным воздухом, в нос ударил тошнотворно-сладковатый запах. Так пахнуть могло только одно...

Санузел был совмещенный. Ванна занавешена шторкой до пола.

– Девочка, ты за шторкой? Полотенце тебе принесли, подсматривать не будем, – в ужасе Андрей приближался к сокрытому.

Милиционер одернул полиэтиленовую занавеску, и его накрыл рвотный позыв, который он еле сдержал. На месте ванны зияла дыра во тьму. Рядом лежала мясная масса, ранее бывшая человеком. В некоторых местах торчали обломки костей. Как и с помощью чего можно было так изуродовать тело, Андрей не представлял. Второй рвотный позыв Симонов уже не смог сдержать и сложился пополам.

Не побледневший, а даже посеревший от ужаса сержант молча подошел к напарнику и отвел его от места ужасного деяния.

– Зачем ты подсматривал, вруннн? – раздался громкий и отчетливый детский вопль, переходящий в сверхъестественное шипение. Андрей, отплевываясь от остатков желудочной желчи ничего не ответил, но ужаснулся. Свердлов стоял как ни в чем не бывало, будто ничего не произошло.

– Ты и сейчас ничего не слышал? – ошарашенный Андрей не мог понять – то ли он сходит с ума, то ли уже сошел.

– Нет, я ничего не слыш... – Петр осекся на полуслове, заметив боковым зрением невнятное движение в том углу,

где находились останки. – Чертовщина! Я отказываюсь верить своим глазам! – завизжал сержант как ненормальный.

Останки начали двигаться словно зловещая марионетка, управляемая невидимым кукловодом. Грубо сшитые куски плоти начали приобретать очертания, отдаленно схожие с человеческой фигурой. Еще пара мгновений, и вот уже существо смотрело на них небесно-голубыми детскими наивными глазами. На его лбу была маленькая жёлтая полоса, нанесенная, похоже, той же краской, что символы на полу.

Голова у фигуры была без шеи, утопленная в плечи по самый нос. Разорванная грудная клетка начала шевелиться, словно звериная пасть. А торчащие обломки ребер стали в ней зубами. На месте правой руки этого нечто были драные лоскуты мышц, которые словно шевелились независимо друг от друга подобно щупальцам осьминога. Чудовище напоминало плод больной фантазии скульптора, который из человеческой плоти пытался слепить гибрид человека и моллюска. Монстр издал угрожающий булькающей рык.

Милиционеры испытали ужас и отвращение. От вида ожившей биомассы они начали терять рассудок. Мысль пустить себе по пуле в висок казалась обоим не самой плохой альтернативой тому безумию, которое происходило сейчас с ними.

* * *

Повторный рык и последующее движение существа в сторону напарников все же заставил осколки милицейского ра-

зума пробудиться от оцепенения.

– Это уже не человек... Надо стрелять на поражение, – хладнокровно изрек Петр Иванович, расстёгивая кожаную кобуру и вынимая пистолет. Сняв с предохранителя, он вложил патрон в патронник, вскинул. Все действия были доведены до автоматизма. Громкий хлесткий хлопок выстрела раскатился по всей квартире. Пуля попала в то, что можно было бы назвать «тело», прошив насквозь плоть и отколов кусок ребра. Тварь слегка пошатнулась, из пулевого отверстия лениво потекла густая застоявшаяся кровь.

Андрей мешкал, безуспешно пытаясь справиться с дрожью рук. Нервными рывками он дергал кобуру, но травмированная рука не слушалась и не давала ее расстегнуть. Милиционеры начали отступать в комнату. Тварь шаткой походкой неспешно направилась в их сторону. Каждый ее шаг сопровождался неестественным изломом конечностей.

Наконец, кожаный клапан поддался, оголив рукоятку табельного оружия, которую неловко выхватила здоровая рука Симонова. Но тут произошло непредвиденное – монстр резко бросился вперед на старшего. Такой прыти от твари никто не ожидал. Существо повалило сержанта на спину на пол.

Свердлов пытался отпихнуть от себя биомассу. При небольшом росте, не более 160 см, тварь весила никак не меньше 60 кг. Как один взрослый человек или... два ребенка. Эта мысль впиалась в голову сержанта, но он не успел ее развить. На левой ноге уже намертво сомкнулась импро-

визированная пасть, и сразу несколько ребер острыми неровными краями впились в икроножную мышцу мужчины.

– Аааргх! Мля, сука! Андрей, твою, что ты мешкаешь? Убери эту гадину с меня!

– Ссейчас, Ииваныч! – Симонов, нервно заикаясь, пытался взвести кожух – затвор пистолета... Но это было непросто. Только после нескольких суетливых попыток затворная рама поддалась и чудом взвелась.

Младший ринулся к напарнику и на полной скорости с ноги зарядил по монстру. Тот отлетел, перевернулся через себя и упал на «живот». Андрей увидел на спине существа частично впечатанную вторую голову ребенка. Отвращение охватило его. Нервно сглотнув, Андрей вывел наизготовку пистолет и выстрелил в это «лицо».

Существо заревело, вскочило и бросилось в сторону молодого милиционера. Тот бросился в сторону, и тварь врезалась в кресло-мясорубку. Симонов молниеносно среагировал – лежа на спине, он прицелился в «основную» голову и нажал на спусковой крючок. Пуля, войдя в голубой глаз, снесла добрую треть черепной коробки.

Монстр на мгновение замер, а затем начал шататься и хаотично размахивать конечностями, словно потерял контроль над собственным телом. Затем монстр начал падать прямо в кресло. Коснувшись движущихся ножей, туша начала поглощаться безжалостным механизмом. Издав последний булькающий рык, чудовище скрылось в недрах машины

смерти.

Петр Иванович лежал в луже собственной крови прямо в центре пятиконечной звезды.

– Андрей, спас меня. Я твой должник по гроб! Большое тебе человеческое спасибо. Не слабо, конечно, меня помяло. Ногу, руку и бочину тварь успела цапнуть! Хреново себя чувствую, голова раскалывается. Галлюцинации даже видел. Будто меня черное спиральное облако унести куда-то пытались. Далеко-далеко...

– Что ты только что сказал?! Черное облако, как вихрь? – изумленно воскликнул Симонов.

– Ну да. Точно, вихрь!

– Иваныч! У меня было такое же видение, когда мне пальцы покромсало.

– Дааа.... Вот так мистика. Может дело в этой звезде? Я сегодня уже готов поверить хоть в черта, хоть в бога... Кстати, чувствуешь, сквозняк тянет со стороны шкафа. Возьми ключи и помоги-ка мне встать.

Андрей поднял сержанта с пола. Тот облокотился на коллегу, и они подошли к шкафу.

– Похоже, там и есть проход вниз, – предположил Свердлов.

Милиционеры открыли створку гардероба, и их тут же обдало уже знакомым холодом. За дверью шкафа был прямой узкий коридор, конца которому не видно. Пол этого туннеля был объят странным красным свечением. Симонов по-

мог Петру пройти вперед.

– Я дальше сам, – на удивление бодрым голосом произнес сержант. Слегка прихрамывая на одну ногу, он двинулся вдоль по коридору.

– Не спеши, Иваныч!

– Он зовет меня, – отрешенно с толикой непонятного благоговения произнес Свердлов.

– Иваныч, кто зовет? Что ты такое говоришь?!

Сержант перестал отвечать на вопросы напарника и только шел на зов, которым был заполнен его разум. И вот в конце коридора он увидел пустоту – темную, космическую Пустоту. Подняв голову, он увидел тот самый черный вихрь из своего недавнего видения, на зов, которого он и шел, чтобы унести за пределы миров.

– Прощай, Симонов. Честь имею! Тут мое место и мой покой, – не успели эти слова слететь с его уст, как черный газ поглотил сержанта.

– Прощай, Иваныч, – Андрей встал по стойке смирно и отдал честь ушедшему товарищу. По щеке потекла скупая слеза. Вдали его разума он начал слышать зов, манящий его также во тьму. Милиционер собрал все силы в кулак и выпрыгнул из «портала» обратно в обычную комнату хрущевки.

Стоя по центру помещения, Андрей пытался перевести дух после произошедшего. Глаза не могли поймать фокус, ноги держали его из последних сил. Все происходило, как

в тумане. Рассудок не мог «переварить» все то, с чем сегодня столкнулся его хозяин.

Пентаграмма на полу начала издавать желтое сияние. Жуткое, бледное свечение привлекло Симонова. Но принять какие-либо действия он был уже не в силах. Все, что он мог – безвольно смотреть в этот свет, который уже превратился в плотный столбообразный поток, доходящий до самого потолка. И ждать... В потоке энергии начал появляться высокий темный силуэт, от которого исходило свечение.

В комнату вошло нечто ростом под потолок, одетое в темное тряпье, вероятно, которое раньше было плащом. Тело было изогнувшееся, тонкое, словно человека сильно вытянули, а толщина осталась прежней. Вместо кожи был темный хитиновый панцирь. Конечности, которые были на месте рук, были похожи на клешни гигантского богомола. Но последней каплей пучины безумия Симонова стала голова монстра. В «лице» отчетливо узнавалось лицо старухи с фотографии – хозяйки квартиры.

Милиционер безразлично смотрел на существо. Затем его лицо озарила гротескная улыбка, которой обычно улыбаются душевно больные, и он произнес:

– Зинаида Петровна, а мы вас заждались уже! С радостью с вами пообщался бы, но мне пора!

Быстро вскинув пистолет к подбородку, Андрей нажал на спуск. Раздался выстрел. Бездыханное тело милиционера Симонова безвольно упало на пол.

Анна Матвиенко / @arys_pole

Рассказ: «Подвал страха»

Полуденное солнце раскалило асфальт и дома, от зноя плохо спасала даже тень. Стайка детворы сидела на прохладных ступенях подъезда пожилой пятиэтажки.

– Скучно... Может, поиграем в мяч?

– Где? На площадке очень жарко, я не хочу выходить из тенька.

– Давайте тогда сгоняем на речку.

– А что там делать? Воду спустили, не искупаешься, и идти туда по солнцепеку целых 20 минут.

Воцарилось задумчивое молчание. Вдруг за углом дома лязгнул металл, дети встрепнулись:

– Пойдём посмотрим?

Все сорвались с места. За углом никого не оказалось, зато дверь подвала была приоткрыта.

– Заглянем?

– Да там, наверное, сантехник что-то чинит, будут ругаться.

– Да мы только заглянем...

– Я не пойду.

– Ты что, трусил? – все уставились на Игоря. Это был крупный, развитой мальчик, всегда готовый на любые аван-

тюры, и вдруг – отказ.

– Я не хочу туда идти и всё.

– Струсил, – высокий щуплый Влад презрительно хмыкнул.

– Я не струсил. Просто не хочу.

– А я пойду, я не трус, – и Влад уверенным шагом пошёл к приоткрытой двери. Он заглянул в щель, из подвала дохнуло холодом и тленом, внутри было тихо.

– Там никого нет. Пойдём? – он оглянулся, дети замялись. Влад распахнул дверь: проем зиял прохладным полумраком, – Ну, что стали? Кто со мной?

Никто не двинулся с места.

– Влад, не надо, будут неприятности.

– Да вы все просто струсили! – злобно бросил Влад и шагнул в дверь.

Было слышно, как он ходит по подвалу, под его ногами хрустели осколки.

– Тут только мусор и куча разных труб. И очень холодно, – прокричал Влад из чрева подвала, – я выхожу. В этот момент железная дверь подвала, натужно скрипнув, неожиданно закрылась.

Игорь бросился к двери и потянул ее на себя, та не поддавалась.

– Вы зачем дверь закрыли? Тут стало совсем темно, – крикнул Влад.

– Она захлопнулась сама! Я не могу ее открыть!

– Что за бред?! Откройте!

– Помогите мне, я не могу ее открыть сам, – позвал Игорь остальных. Ребята окружили его и стали тянуть дверь вместе, та не двигалась.

– Влад, мы пойдём за взрослыми, дверь, похоже, заклинило. Кто-нибудь останетесь здесь, остальные давайте искать кого-то, кто сможет открыть дверь.

– Я останусь, – покраснев, сказала Марина, – а вы идите. У сантехника точно должен быть ключ.

Ребята разбежались в разные стороны.

– Влад, как ты там?

– Нормально. Только тут сыро и холодно... Марин? Это ты?

– Конечно, я.

– Да нет... возле двери что-то шуршит. Ты пытаешься ее открыть?

– Нет. Я просто стою рядом.

– Давай отойдём к подвальному окну на задней стене дома, там светлее и больше воздуха.

– Давай. – Марина побежала за дом, – Влад? – окликнула она в темноту забранного решёткой окошка. Тишина. – Влад! Отзовись! Я здесь!

Тишина. Марина подождала пару минут. Там же темно, он ещё не дошёл до окна, или она перепутала, и он говорил про окно на фасаде?

– Влад? – нет ответа. Конечно, она перепутала. Марина

сорвалась с места и оббежала дом. Снова окошко, закрытое плотным сплетением решетки.

– Влад? – ответа не было, – Влад, не шути так! Мне страшно!

Марина побежала обратно к двери, стала стучать:

– Влад! Отзовись!

Марина заплакала.

* * *

Шорох у двери заставил Влада осторожно отойти.

Его глаза немного привыкли к темноте, но он все ещё не видел, что там шуршит. Мальчик пошёл к окошку, как и договорился с Мариной, и вдруг услышал шорох в углу, под ногой что-то громко хрустнуло, шорох раздался из другого угла. Над головой тянулась труба отопления, сверху снова послышалось шуршание. Внутри у Влада всё сжалось, он ускорил шаг. Впереди на пол падал прямоугольник дырявого от решетки света; в переплетении теней что-то мелькнуло. Влад замер. За спиной что-то зашелестело, как будто тысячи чешуек проскользили по железной терке. Мальчик медленно оглянулся, стал всматриваться в темноту. Над головой зашуршало. Сделав шаг назад, он поднял голову: в сплетении труб мелькнула тень. Сзади что-то упало и, загремев, покатилося по бетонному полу. Влад резко обернулся на гулкий звук: в прямоугольник оконного света выкатилась помятая алюминиевая кружка.

– Пффф! Зараза! – собственный голос прозвучал глухо

и неуверенно в сырой темноте подвала, эхом прокатился вглубь и замер в углах. В подвале всё затихло, Влад слышал, как бьется его сердце. Потом одновременно со всех сторон послышалось тихое похрустывание и шуршание. Мальчик сжался от страха, по спине побежали мурашки. Стало ещё темнее: подвальное окошко что-то закрыло. «Влад!» услышал он оклик. Из угла разжалось тихое шипение.

– Марина – пересохшими губами тихо выговорил Влад, над головой сразу же раздался шорох, мальчик отпрянул назад. «Влад! Отзовись! Я здесь!». Шипение стало угрожающим и разжалось ближе. Влад осторожно сделал шаг к окну. Только бы было тихо. «Влад!» услышал он, и со стороны окна раздалось злобное шипение. Он замер, не посмеяв ответить. За спиной что-то скользнуло. Он обернулся. Перед его лицом свесилась большая чёрная змея. Влад отпрянул, споткнулся и упал на грязный пол.

* * *

– Дядьмиш, мы, правда, ее не трогали, она сама закрылась. Влад просто заглянул внутрь... Игорь осекся, увидев рыдающую Марину у двери.

– Марин, ты чего?

– Влад, – она громко всхлипнула, – он не отвечает!

Слесарь дядя Миша молча отодвинул плачущую девочку, осмотрел дверь, потянул на себя. – Заело. Ржавчина везде, дверь просела. Хорошо, что инструмент со мной. Влад! Если ты у двери – отойди.

И слесарь занялся дверью. Игорь отвёл Марину от двери и со стороны наблюдал, как дядя Миша возится с дверью. Минут через 15 она открылась. Дядя Миша включил фонарь и осветил помещение.

– Влад, ты где?

Тишина. Подперев дверь кирпичом, слесарь шагнул в подвал. Внутри была настоящая свалка, трубы облезли, утеплитель местами прогнил и свисал кусками, тянуло сыростью и затхлостью, сверху болтались куски кабелей и проводов. – Влад!

У дальней стены дядя Миша услышал шорох, навёл туда луч фонаря. Там, прижавшись спиной к стене, среди обрывков проводов и кусков кабелей сидел сжавшийся в комок Влад. Его глаза светились безумным страхом, в метре перед ним свисал обрывок толстого кабеля. «Тише, везде змеи, они реагируют на звук, тише» шептал он одними губами.

Алекс Бэнг / @writer_alex_bang

Рассказ: «Восемнадцатилетние»

– С днём Рождения! Ты, как всегда, прекрасна, – лёгкий поцелуй в щеку, как прикосновение змеиного языка.

На миг замерев, я осторожно провожу рукой по волосам. На ощупь, как размотавшаяся марля, и выглядит также.

– Отличный стол! Сама готовила? – восклицание, забрасывание оливки в рот, а я смотрю на трясущиеся, побитые подагрой, пальцы.

– Чудесное платье, брала в том бутике? – садимся за стол, а я перевожу взгляд своих расширяющихся зрачков с её лица на застиранную, шитую-перешитую одежду.

Все события вчерашнего дня картинкой проносятся позади моей спины. Мой день Рождения. Моё красивое платье. Мой шикарный стол. Мои «подруги». Мои 18. И эта старуха. Сморщенная, трясущаяся, словно побитая собака, и... безумно хохочущая так, что аж внутри передергивает. Откуда она взялась? С ужасом смотрю на её лицо. Оно будто пластилиновое – дотронуться, резко рвануть и обнажится новое. Седые волосы рваными прядями падают на грудь. Сглатывая, расширенными зрачками смотрю на её залатанную, свишающую на дряхлом теле, одежду. Женщина бросает на меня насмешливый взгляд и ухмыляется. Жутко от одной лишь

улыбки.

Господи, закричать, прогнать её сейчас же. Я замахиваюсь и со всей силы бью. Стекло разлетается вдребезги, впиваясь осколками в кожу. Она не ушла. В куске разбитого зеркала я вижу её. Старуха. И эта старуха – я. #

Губин Александр / @san_welder

Рассказ: «Алконавты»

Нож – лучший подарок!

Это точно. С ним домой идти было бы спокойнее. Острое как бритва лезвие, играющее на солнце зайчиками, рукоятка, удобно лежащая в руку, кожаная оплетка, вкусно пахнущая свободой. Обязательно должна быть гарда или крестовина – упор у основания лезвия, чтобы не вогнать нож вместе с рукоятью. И конечно же кровосток. Вернее сказать, дол. И хотя я знал его истинное назначение, кровосток мне нравился больше. Правильнее.

Я пришел домой из школы и с ужасом ждал вечера. Скоро начнется, опять. Этот кошмар, длиною в жизнь. Кажется, я буду жить в нем вечно, но судя по всему, совсем недолго. Слышен поворот ключа в замочной скважине. Внутри все сжалось. Сердце замерло, но пульсацию вен при этом на руке можно было видеть невооруженным глазом. Дыхание стало прерывистым, во рту пересохло, ноги подкашивались сами собой и сильно хотелось в туалет. Я жертва. Подопытный кролик. Раб. Кукла. Букашка. Я – его собственность. Покорная и всегда виноватая.

Все вокруг стало прозрачным. Мыслей в голове больше не было. Защищаться я не мог. Не имею прав. Ни на что. Я

видел только ручку двери. Только бы не открылась. Только не сегодня. Только не сейчас... меня трясло. На миг я затаил дыхание. Услышал характерное покашливание, жуткое шарканье тапочек. Звук приближался. Дверная ручка со скрипом медленно стала опускаться вниз.

Я опускался на пол вместе с ней. Началось.

– Ты уроки сделал?

В нос ударил жуткий смрад перегара. Стало подташнивать. Голос дрожал.

– Да, конечно. – немного заикаясь, ответил я.

– А почему так небрежно?

Я получил первый подзатыльник. В голове зазвенело от обиды и боли.

– Я старался, правда.

Вместо ответа я увидел лишь ухмылку на его небритом лице.

– Доставай дневник, посмотрим, как ты старался.

Я полез в портфель и за спиной слышал это тяжелое дыхание и позвякивание пряжки ремня. Этот мерзкий, обжигающий звук лязгающего дешевого металла. Все тело покрылось мурашками. Руки тряслись все больше. Я уже знал, что будет дальше... терять (сжигать) дневник каждую неделю было нельзя. Так что сегодня будет очередное заклятие.

Эта боль. Жгучая и несправедливая. Боль не от ударов и грубых слов, а от понимания, что он самый родной человек, от которого ты зависишь. Ты бессилен. Всегда не прав.

Во всем виноват. Я вижу эти глаза, полные ярости и жестокости. Глаза животного, хищника, маньяка. Расширенные зрачки, взъерошенные волосы, растянутые треники и грязная вытянутая майка. Отец...

Выходя из комнаты, он заметил маленькое синее пятнышко на ковре. Я случайно капнул, когда заправлял фломастер его одеколоном, чтобы еще немного порисовать. Он принялся и посмотрел на меня злобным и одновременно счастливым взглядом. Я понимал, что это еще не конец. Мысль была только одна: как мне завтра идти в школу?

* * *

Утром в школу идти совсем не хотелось, но пришлось. После вчерашних воспитательных процедур все болело... После уроков я встретил свою лучшую подружку Светку.

– Привет, ты что в штанах? Жарко же на улице. Что, опять?

– Как обычно. Ничего нового. А ты как? Вчера обошлось?

– Не совсем. Ладно. Проехали. Слушай, мне кажется, я все поняла. Нам надо серьезно поговорить, но не здесь.

Мы пошли за гаражи. У нас там был штаб.

– Итак. Слушай меня внимательно. Все не просто так. Они алконавты.

– Кто?

– Алконавты. Настоящие. В них вселились пришельцы, которых выгнали со своей планеты за то, что они питались чужой энергией при помощи агрессии. Ты же знаешь. Когда

ты делаешь доброе дело, то отдаешь свою энергию, но получаешь из космоса в два раза больше и поэтому становишься счастливым. А эти пришельцы хотели только получать, ничего не давая взамен. Вот их и выслали. А теперь они тут. Вселяются в нас и манипулируют, чтобы питаться энергией.

– А при чем тут алкоголь? Пить-то зачем?

– Как зачем? Чтобы полностью подавить волю человека. Они же когда трезвые – все белые и пушистые. Это значит, что пришелец внутри просто спит.

– Ну да, все сходится...

Вдруг сзади хрустнула ветка. В нос опять ударил жуткий смрад перегара и какой-то тухлятины.

– Светка. А ты что тут делаешь, а? А ну марш домой. Я все твоему батюшке расскажу. Шепчутся тут, бездельники.

Кепка сдвинута на бок, из-под которой торчат взъерошенные сальные волосы, желтые зубы и бородавка под губой. В зубах беломор. На руке наколка: Вася.

Алконавт. Точно. Надо бежать.

* * *

Вечер был особенно мрачным. Звезд на небе я не видел уже давно, как и не слышал пения птиц. Наше существование на планете подходило к концу.

Я бесцельно бродил по району, чтобы не идти домой. И вдруг:

– Привет, сопляк.

Опять этот запах перегара. Передо мной стояки два стар-

шеклассника, слегка покачиваясь и периодически рыгая. Они были соседями Светки по подъезду.

– Ты все с девчонками в резиночку прыгаешь? Не пора ли повзрослеть?

С этими словами они протянули мне бутылку дешевого портвейна.

– Глотни! И будешь повелевать всем миром!

– Нет, спасибо. Вы Светку не видели? Она сегодня в школу не пришла...

– А она заболела. И долго еще в школу не будет ходить. – Они переглянулись с ехидной ухмылкой.

И они тоже Алконавты. Надо бежать...

– Мне пора домой. Родители волнуются, наверное... пока...

– Ну пока, раз пока... – их глаза стали наливаться кровью, кулаки сжимались...

– Уйдет ведь. Надо догнать.

– От нас не уйдет. Пошли.

Два мрачных силуэта в темных капюшонах, покачиваясь и сшибая все на своем пути, двинулись в сторону темных аллей парка. Шарканье их кирзовых сапог распугивало местную живность. Запах перегара едким шлейфом стелился за ними. Пустая бутылка ударилась о дерево и с дребезгом разлетелась на сотни осколков. Становилось все темнее. Шаги ускорялись. Дыхание становилось тяжелым. Впереди показался знакомый силуэт. Где-то закаркала ворона, улетая

из этого жуткого места. Шорох листвы напоминал звук приближающегося цунами...

Еще несколько шагов и всё будет кончено.

* * *

Яркий свет ослепил двух Алконавтов в глубине парка. Они закрывали свои рожи руками и рычали, как раненые звери.

– Ну же, господа пришельцы. Добро пожаловать в общество трезвенников. Светка! Тащи инструменты!

И в моих руках свернул охотничий нож. Лучший подарок от лучшего друга.

Надя Рабцевич / @slovnade

Рассказ: «Выход»

Мне тяжело дышать. Воздух пропитан моей беспомощностью и запахом медикаментов вперемешку с плесенью. Я открываю глаза и понимаю, что я снова здесь. Однажды я уже была в этом зверском месте. Тело бросает в жар и мое дыхание учащается. Я стою посреди огромного полусторевшего лекционного зала. Надо бежать, нужно срочно найти выход. Я задыхаюсь. Жадно глотаю воздух и бегу к двери зала. Меня накрывает ощущение, что меня кто-то преследует. Я бегу по длинному узкому, покрытому ржавчиной и грибком, коридору. Сердце вот-вот пробьет грудную клетку и вывалится из меня от панического состояния, в которое я погрузилась.

Выхода нет. Все окна и двери завалены широченными гнилыми бревнами и красными разбитыми кирпичами. Я бегу по лестнице наверх. Ступеньки проваливаются под моими ногами, я рыдаю от ужаса, но не останавливаюсь. Очень громко дышу. Руки дрожат, стучит челюсть, я замерзаю от ледяного воздуха, который резкими толчками бьет меня в спину. Значит, воздух где-то есть! Я уже на третьем этаже гнилого здания, повсюду зеленая мерзкая слизь и туман. Выхода нет.

Я слышу шорох. Здесь кто-то есть. Я делаю несколько

шагов вперед и резко проваливаюсь вниз. Падаю на что-то скользкое, мокрое и... живое.

Десятки. Нет, тысячи огромных мерзких рыжих лап! Эти коричневые длинные спины и этот невозможный звук, с которым эти мерзкие твари передвигаются! Сотни сороконожек ростом с меня вокруг. Я не могу встать от того, что они так быстро передвигаются, задевая меня своими липкими лапами. Я нащупываю в этом месиве какой-то железный кол и начинаю беспощадно кромсать этих тварей. Они визжат и шипят, но мой непоколебимый адреналин безжалостно вонзает в них кол резкими уверенными движениями. Возможно, выход под ними! Слезы душат меня, воздуха дико не хватает, паника переросла в сумасшествие и отчаянье... Я больше не могу!

Я открываю глаза. Я в комнате у подруги, где мы и собрались, чтобы развлечься. Я лежу на спине, вокруг полная тишина. Встаю и вижу, что все стены вокруг забрызганы кровью, а по углам комнаты разбросаны изуродованные трупы моих друзей. У меня в руке крестовая отвертка, я вся в крови и человеческих внутренностях.

За 12 часов до этого

– Да она ничего не поймет! Посмеемся все вместе и все. Ничего страшного не произойдет. Когда я в прошлый раз хавал эти семена, я просто в тамбуре у мамки два часа грибы собирал! Ха-ха! Ну, круто же! – весело рассказывал Макс.

– Может не надо, Макс, ты же не знаешь, какой у нее орга-

низм... Я читала, что эта дурь вызывает все твои самые глубокие страхи наружу. А она все время болтает, что ей снится какая-то больница, из которой она выйти не может! И еще она не переносит мокриц! Плачет, когда их видит! – Кристина виновато улыбалась своему парню.

– Да блин, Крис, не переживай, я же не боюсь собирать грибы в тамбуре! Ха-ха!!! Ну, все сыпь ей целую пробку вместе с этими её семенами чиа. Вы же везде это дерьмо добавляете!

В прозрачный стакан с десертом из манго и творожной пасты упали маленькие черненькие семечки.

– Макс, а ты где это берешь? – с интересом спросила Кристина.

– Так эта приколюха растет везде за городом! Это ж обычный дурнопьян. Знаешь, такое выражение: ты что, белены объелся? Так это она и есть.

Катерина Сергеева / @veleena_wonderland

Рассказ: «Двойник»

Впервые я увидела ее в ночь моего совершеннолетия. Длинные светлые волосы, большие зелёные глаза, очень худая, настолько, что сквозь тоненькое платьице можно было увидеть выступающие кости. Она была точной копией меня, только измученная. Я сидела и не могла пошевелиться, меня сковал липкий холодный страх. Она исчезла так же внезапно, как и появилась. И я снова смогла двигаться и дышать. А отражение в зеркале вновь стало обычным – моя комната.

С того дня прошло уже два месяца. Я не помню, когда я нормально спала. Я не могу никому рассказать об этом, потому что меня сразу закроют в психушку. Иногда я думаю, что это не самый худший вариант.

– Ты какая-то бледная сегодня, – мама поставила чашку чая передо мной и села напротив. – Что случилось, Жень?

– Ничего, – я только мотнула головой и отхлебнула кофе. Горло обожгло, я закашлялась.

– Не торопись, вечно ты куда-то спешишь.

– Хочу везде успеть, – отшутилась я. – Ладно, мам, я пойду к себе. Может посплю ещё.

Если бы выполнить было сказанное так же просто, как

и произнести это вслух, то это был бы лучший день за последние пару месяцев. Я вышла с кухни под мамино ворчание, которое уже не слушала.

На часах почти полночь. На пустую половину кровати кто-то сел. Я почувствовала, как матрас прогнулся под тяжестью тела. По спине пробежали мурашки, а пальцы похолодели. Она никогда не приближалась так близко.

– Женя, – это мой голос, только хриплый, далёкий. – Это ты виновата. Слышишь? Ты. Ты! – голос сорвался на визг.

Я резко повернулась к ней, но ничего не увидела. Ничего. Наверное, я действительно схожу с ума. И состояние мое ухудшается с каждым днём.

– Ты виновата! – голос слышится из дальнего угла.

Я повернулась на него и замерла. Она была там. Ее движения были какие-то рваные, дёрганные, как у марионетки. Казалось, что ещё мгновение и кости ее с треском сломаются, и она развалится, как та кукла, нити которой обрезали.

Она снова стала приближаться. Резко. Рывками. Руки выгибались под неестественным углом, ноги, будто волочились по полу. Она коснулась моей руки, и я закричала. Надрывно. Пронзительно.

– Женя! Женя! – мама трясла меня за плечи, пытаюсь привести в чувства. – Что тебе снилось?

А мне не снилось, я видела ее наяву. Ее. Девушку с моим лицом, ненавидящую меня. Только я не понимала, за что.

– Она сказала, что это я виновата! – мой крик перешёл

в рыдания. – Она так похожа на меня.

Мама смотрела на меня уже не с беспокойством, а с каким-то зарождающимся в душе ужасом. Я видела его у нее в глазах. Дурной знак. Дурной. Я тряхнула головой.

– Это был кошмар, мам, – я натянуто улыбнулась. – Просто страшный сон.

Мама недоверчиво посмотрела на меня, и встала с кровати. На выходе из комнаты, она обернулась и обеспокоенно посмотрела на меня.

– Если что, зови нас с папой.

Я кивнула. Она вышла и прикрыла за собой дверь. Я прислушалась.

– Ты слышал, что она сказала? – я еле слышала мамин шепот. – Она видела похожую на нее девушку. Может, стоит рассказать, что ее близняшка родилась мертвой?

Я ошарашенно смотрела на тонкую полоску света под дверью. Я все поняла. И снова почувствовала на коже холодные пальцы мертвой сестры.

Анастасия Данилова / @an_astasiia1387

Рассказ: «Мотылёк»

– Люся, что случилось? – В мозг девушки ворвался взволнованный голос Марьиванны.

#От чего та вздрогнула и обвела невидящим взглядом помещение.

#Как она здесь оказалась? Видно ноги сами принесли, посчитав это место более безопасным.

#– На обед уходила, нормально все было, – прошелестел чей-то голос.

#Звуки проникали в сознание девушки через толстый слой ваты. Она все еще жила тем моментом.

#Люся обедала с подругами в кафе. Отправляясь в дамскую комнату, столкнулась с кем-то. Хотела извиниться, подняла взгляд.

#Волна радости пробежала по телу девушки. Перед ней стоял ее бывший одноклассник. Первая любовь.

#– Олежка, – с придыханием произнесла девушка, порываясь прикоснуться к нему.

#Ее радостный порыв был встречен холодным жестким взглядом. В глазах Олега застыла усмешка и что-то еще. Более ужасное. От чего Люся окаменела. Сердце застыло,

не выдавая и намека на легкий трепет. Бурлящая до этого кровь застыла ледяной рекой.

#– Ну, привет, Мотылёк, – мягкий голос ненадолго разрушил гипнотическое состояние девушки.

#Небольшая передышка позволила ей собраться и сделать шаг назад. Еще, еще. Повернулась лицом к выходу.

#– Мы еще увидимся, Мотылёк, – подтолкнуло в спину Его обещание.

#Не соображая, что делает она выбежала из кафе.

#– Ты как-будто призрака увидела! – женский голос вернул сознание Люси в кабинет.

#Так ничего не объяснив, девушка села на свой стул. Зажала голову между колен.

#Пока Марьиванна кудахтала над ней, Люся начала делать глубокие вдохи и быстрые выдохи. Это должно успокоить. Так, по крайней мере, советовали делать при панических атаках.

#Она считала, что не относится к числу таких людей.

#Вдохи-выдохи не помогали.

#Становилось хуже.

#Кровь не хотела двигаться по венам. Хотя сердце понемногу начало стучать в грудную клетку.

#А перед глазами все еще стоял Он. Тот, кто вызвал животный страх.

#Внутренности скручивало так, что не получалось и крикнуть.

#Что там кричать! Ни один членораздельный звук не мог вырваться изнутри.

#Девушка, как заведенная, продолжала дышать.

#Пыталась гнать от себя это чувство.

#Страх иррационален.

#Его не существует! Люся всегда так считала. Ну, почти всегда. Кто в детстве не боится темноты или Бабайки? Этим вещам всегда находилось объяснение. Получалось распрощаться с ними.

А сейчас? Что это?

Нет объяснения.

Беспомощность скрутила узлом желудок девушки. Из последних сил Люся поднялась на ноги. Пошатываясь отправилась в туалет.

Из-за закрытой двери Марьиванна слышала звуки рвотных позывов и мучительное мычание.

– Люсенька, – решила она наконец постучать. Девушка молчала. – Господи, что с ней такое? – Вопросила женщина у сотрудниц, стоящих рядом. И получала недоуменные взгляды в ответ.

На какое-то время неприятные звуки в уборной затихли. Послышались неровные шаги.

– Люсенька, – попытала счастья Марьиванна еще раз. За дверью раздался шум льющейся воды в раковину.

Потом опять тишина, которая длилась долго. Очень долго.

Марьиванна подняла было руку для повторного стука.

И тут это услышали все.

Душераздирающий крик девушки.

И грохот двух тел. Почти одновременно.

Стоящие рядом сотрудницы поспешили привести в чувство Марьиванну. Кто-то побежал к телефону вызвать скорую помощь.

Из заметок патологоанатома

«... Молодая девушка. Двадцати пяти лет. Смерть наступила в результате обширного кровоизлияния в мозг. Из странного: высокий уровень адреналина в крови... волосы седые... глаза красные – лопнули капилляры... узкие зрачки, что свидетельствует о сильном стрессе. Рот открыт. Щеки местами поцарапаны. Под ногтями найдены частицы кожи. На ладонях так же присутствуют следы ногтей. Создалось впечатление, что девушка что-то увидела в зеркале. В протоколе отмечено, что она находилась в туалете, у раковины...»

Олег Вергуленко / @pisatel_oleh_verhulenko

Рассказ: «Записка»

Часть 1

«Мне надоело хранить твой секрет. Завтра я опубликую твою историю во всех соцсетях. У тебя есть выбор: или сегодня ты присылаешь мне на карту сумму, в которую оцениваешь моё молчание, или завтра все узнают, кто ты на самом деле».

Сфотографировал карту, прикрепил фото.

– Отлично! – выдохнул Игорь, с довольной улыбкой откидываясь на спинку стула.

«Давно пора разделаться с этим выскочкой, а то возомнил о себе чёрт знает что», – продолжил он в мыслях.

– Ты с сахаром кофе будешь? – донеслось из кухни.

– С сахаром... и с молоком... и с печеньем... Доставай всё, что есть, я скоро приду!

Из кухни доносился шум закипающего чайника. Алик суетился, гремя посудой и хлопая дверцами шкафчиков. Друг детства в гости пожаловал, такое не каждый день случается.

Они не виделись целую вечность. Алик ушёл из школы после девятого класса, работал, где придётся, недавно открыл

своё агентство по продвижению сайтов. Игорь после школы попал в академию на госбюджет, защитил кандидатскую, вырос до старшего разработчика в одной из крупнейших ИТ-компаний города. Словом, тем для разговора было много.

– А помнишь Аньку Белкину? – спросил Игорь. – Вы с ней ещё в девятом классе встречались. Не знаешь, где она сейчас, как она?

– Помню, конечно, – улыбнулся Алик. – Сам хотел бы знать, где она сейчас.

В дверном замке провернулся ключ и в квартиру вбежали двое детишек.

– Папа! Папа! – бросились они к Алику, и в кухне сразу стало шумно и тесно.

– Дети, сначала разуваемся, папа никуда не денется, – молнией прошиб Игоря знакомый голос. – Привет, Игорь!

Это была Аня – любовь всей его жизни. Те же русые косы, зеленющие глаза, голос.

– Привет, – еле выдавил из себя Игорь.

– Привет, Солнце! – просиял Алик и, подхватив двух карапузов, вынес их в прихожую.

Поцелуй, которым Алик встретил жену, выжигал Игорю глаза. Он не мог поверить, что эти двое до сих пор вместе.

Нескольких секунд было достаточно, чтобы гость, как в омут, провалился в далёкие воспоминания: как он таскал Анькин портфель, и как от мальчишек всегда огребал за то, что не давал за косы дёргать, и как записку с признанием

в стихах писал в преддверии Дня всех влюблённых. А она с Аликом «замутила».

Всё же не зря он решился сегодня зайти. И сообщение это всем друзьям Алика по Facebook не зря разослал. «Пусть теперь платит за украденное счастье и за моё одиночество», – думал Игорь.

– И как это у вас так получилось? – удивился бывший одноклассник, когда Алик вернулся за стол. – Помню, что ты в нашу школу перешёл после Нового года, а 14 февраля вы уже танцевали вместе и встречаться начали. И вот так вот до сих пор, прямо голубки! – Игорь с трудом улыбнулся, каждое слово обжигало язык.

– Ну, что сказать, – замялся Алик, – я думаю, это судьба. Я просто пригласил Аню на танец, а дальше всё само собой закрутилось-завертелось...

– Он, конечно же, не признается, – крикнула Аня из ванной, где боролась с детьми за чистоту рук, – но он мне за день до школьной дискотеки записку прислал. С таким стихотворением, что сразу сразил меня наповал. Подписи не было, поэтому я просто ждала, когда он подойдёт.

У Игоря внутри всё перевернулось. Он молча встал, вышел на балкон и закурил. В голове крутилась тысяча мыслей. Как всё могло бы быть, подпиши он тогда записку? Как всё обернётся, если признаться сейчас? Сигаретный дым разъедал глаза, хотя слёзы и без того наворачивались.

«Может, сказать о сообщении? Он вроде и не виноват», –

заговорила в Игоре совесть. – Ну, уж нет! Пусть разгребает, не помрёт!»

Игорь вернулся с балкона как раз в тот момент, когда Алик рассказывал Ане, что сегодня уже семеро его друзей «с ума сошли» – присылают немаленькие суммы денег и за что-то благодарят.

– Цирк какой-то! – заключил Алик.

А Игорь немногословно попрощался, пожелал удачи и ушёл. Это был не его день.

Он ещё не знал, что завтра его шеф представит Алика, как нового совладельца их компании.

Часть 2

Я лежу на асфальте не в силах пошевелиться. Из рваных ран сочится кровь, в которой так нуждаются мои малыши. Минуту назад, глядя в глаза своему врагу, я сделал шаг, о котором, надеюсь, не придётся жалеть. А ведь неделя так хорошо начиналась...

В понедельник я купил долю акций крупнейшей в городе ИТ-компании, той самой, в которой работает мой друг Игорь. Для меня это совершенно другой уровень, ещё один вызов, новые возможности. Аня не очень довольна тем, что мне придётся некоторое время практически жить на работе, но это пройдёт. В конце концов всё это ради неё и моих плюшевых бандитов.

Во вторник мой свежеиспечённый партнёр Валентин признался, что если бы не мой воскресный намёк, он бы чуть

дольше взвешивал все «за» и «против» продажи акций. Но поскольку я оказался настолько настойчивым, Валик решил, что моя хватка – отличное приобретение для компании.

– Я, конечно, не до конца понимаю, о чём ты, – улыбнулся я, – но буду считать это комплиментом.

– Да ладно, Алик, не прибедняйся! Говорю же, снимаю шляпу – хватка мёртвая. Рад, что ты мой партнёр, а не конкурент, – не унимался тот.

Слово за слово, выяснилось, что позавчера я прислал Валентину весьма напористое, чуть ли не угрожающее сообщение в Facebook. Странно, что я об этом ничего не помнил. Он показал мне сообщение, и я прозрел. Моё тело вспыхнуло огнём, казалось, рубашка на спине тлеет. Мышцы лица непослушно запрыгали. Я пытался удержать на лице улыбку, но, судя по тому, как уставился на меня партнёр, актёр я хреновый.

– Ах ты ж, сучара!!! – заорал я во всё горло, влетев в туалет и пнув на спецназовский манер дверь ближайшей кабинки.

Она должна была распахнуться и громко хлопнуть о перегородку, но вместо этого оттуда послышался испуганный голос одного из сотрудников:

– Извините... я уже выхожу...

Такой поворот меня смутил и немного остудил. Я извинился, не дожидаясь встречи лицом к лицу, и выскользнул из офиса под предлогом наличия нескольких важных встреч.

Я знал, чьих это рук дело. По времени, указанному в сообщении, было несложно вычислить, у кого был доступ к моему компьютеру. Мне стала ясна причина массового помешательства и всех этих переводов на мою карту. Это ж скольким людям он отправил подобное сообщение, неужели всем моим друзьям?

Кровь кипела и требовала моментальной мести. Разум твердил: «Твой враг не так прост. Пойми его мотивы».

Уже в среду я начал подготовку к жёсткому ответному удару. Пусть действия Игоря пока не принесли мне видимого ущерба, он наверняка рассчитывал на другой результат. Несколько раз мелькала мысль вызвать его на откровенный разговор и попытаться выяснить причину такого поступка. Но каждый раз наш диалог, происходивший в моей голове, заканчивался потасовкой. Я откровенно презирал его, и это могла исправить только месть.

К пятничному корпоративу я был в отличных, приятельских отношениях со всем коллективом компании, а за спиной Игоря уже ходили не самые приятные слухи. Наше с ним противостояние в финальном конкурсе стало сюрпризом для всех, кроме нас двоих.

– Игорёха, зачем тебе этот приз?! – крикнул я, натягивая боксёрские перчатки. – С кем ты собрался проводить семейный досуг в Луна-парке?!

Охмелевший зал разразился смехом и улюлюканьем подстрекателей. Все знали, что Игорь одинок, и шутка казалась

очень остроумной. В моих же планах было как можно глубже задеть оппонента, и я наблюдал за его реакцией.

– Я думаю, что сделаю тебе подарок и проведу этот день с твоей женой и детьми! – с улыбкой ответил Игорь.

Зал покатился со смеху. «Вот же сволочь!» – подумал я, но улыбнулся. Где-то раздался свист и ободряющие возгласы. Что ж, отлично – перчатка поднята. Мы вышли в центр, словно профессиональные боксёры на встрече перед боем, пристально глядя друг другу в глаза.

Валик громко объявил правила боя «до первой крови или до капитуляции», но мы с Игорем знали, что правил не будет. Ди-джей поставил трек из фильма «Бойцовский клуб», и толпа взвыла. Обратный отсчёт, гул в ушах, свинцовые слитки, зажатые в моих кулаках. У Игоря не было шансов, но я не бил по лицу, чтобы бой продолжался как можно дольше.

Угадайте, кто в воскресенье больше всех был доволен тем, что папа выиграл целый день пребывания в Луна-парке? А уж сам папа как был доволен! Наблюдая за тем, как моя любимая жена и двое самых дорогих мне мальчишек задорно хохочут, снова и снова проплывая мимо меня на карусели «Лошадки», я чувствовал себя на пике счастья. Вот цель и смысл жизни любого мужчины – здоровье и счастье семьи.

Я стоял недалеко от карусели, а казалось, что сижу в вагончике на самой высокой из американских горок, потому что в следующий момент я словно сорвался вниз по этой са-

мой горке. Комок металлического скрежета и детских криков пролетел над моей головой и рухнул прямо на карусель, туда, где секунду назад я ожидал увидеть весёлые мордахи, наполняющие смыслом мою жизнь.

Кабинка от какого-то экстремального аттракциона оторвалась и чьи-то мечты полетать на ракете стали реальностью. Вот только ракета потерпела крушение – куда уж реальней? Аттракцион остановился не сразу, и восторженные крики тех, кому повезло оказаться в других кабинках, превратились в паническую истерику. Всё будто замерло.

Я своими глазами видел, как кусок металла снёс половину карусели, слышал визг матерей, а на макушке ещё ощущался ветерок от пронёсшегося мимо «метеорита». Но я продолжал стоять и с улыбкой тарашиться туда, откуда должны были появиться Аня и дети. Мозг категорически отказывался принимать другую реальность.

Очнулся уже в коридоре больницы, когда дежурный врач пытался объяснить мне что и как работает в таких ситуациях. Где-то там, в бесконечных лабиринтах боли, моя жена и двое сыновей. Они нуждаются в моей помощи, а этот хрен рассказывает, что пол-литра крови, которую я сдал, не хватит, чтобы спасти обоих мальчишек!

Доктор бубнит, что с женой всё в порядке, а у мальчиков огромная кровопотеря и раздробленные конечности, которые уже не спасти; что нужно как можно быстрее решать, кого оперировать. Неужели я дрался ради этого? Ради того,

чтобы сегодня выбирать, кому из моих мальчиков остаться калекой, а кому не дожить до утра.

– Вы понимаете, что это мои дети?! Вы должны спасти обоих! Чего бы это ни стоило, я куплю столько крови, сколько нужно! Если нет, слейте с меня всю кровь...

– Папаша!!! – жёстко прервал доктор. – Прекратите истерить! У нас тут каждый день дети умирают! У многих – единственные! Считайте, что вам повезло! – его твёрдость встряхнула меня. – Я не имею права продавать вам кровь, точно также, как и взять у вас больше положенного. Такие правила, извините. Вам придётся с этим жить. У вас час на решение... или на чудо.

Минуты бегут, как сумасшедшие. Подряд набираю все номера, что есть в телефоне: за городом, за границей, недосыгаем, пьян, занят, мысленно со мной. Какой смысл в таком огромном списке друзей? Один за другим удаляю контакты, пока не остался один – Игорь.

Полчаса на чудо.

Смотрю на экран телефона и не решаюсь нажать кнопку вызова. Слышу, как санитар помогает родственникам умирающего пациента заполнить согласие на посмертное донорство. Беру в регистратуре несколько бланков и набираю Игоря. Как я и ожидал, он выслушал и молча бросил трубку. «Наслаждайся, сволочь!» – подумал я.

Две минуты на чудо.

Выхожу на улицу. Моросит дождь. Такой пустоты я

не ощущал никогда прежде. Кажется, каждая капля, падая на меня, впитывается, пытаюсь заполнить эту пустоту. Все до единой, кроме слёз. Подхожу к дороге и сквозь пелену вижу, что на противоположной стороне стоит Игорь. Я не вижу его лица, я узнаю его по силуэту, по походке. Догадываюсь, что он смотрит на меня, улыбаюсь и делаю шаг к нему навстречу...

...прямо под проносившийся мимо автобус.

И вот я лежу на асфальте не в силах пошевелиться. Из рваных ран сочится кровь, в которой так нуждаются мои малыши. Минуту назад, глядя в глаза своему врагу, я сделал шаг, о котором, надеюсь, не придётся жалеть.

Вокруг суета: до смерти перепуганный водитель автобуса, взволнованный Игорь, санитары. Из моего тела утекает драгоценная кровь – чудо, способное спасти обоих моих сыновей. В моей руке скомканы согласие на посмертное донорство и просьба спасти моих детей. Темнота...

Открываю глаза – я в кресле, в палате Ани. Не сон, а жуть какая-то. Стук в дверь, через несколько мгновений входит Игорь. Я ему улыбаюсь, но он меня игнорирует. Подходит к моей жене и отдаёт ей какой-то клочок бумаги. Её глаза блестят, наливаясь слезами.

Подхожу посмотреть – записка! Та самая! Значит, она всё же существовала.

– Вот же ж тварь! – подскакиваю к нему, изо всех сил толкаю в грудь и проваливаюсь сквозь стену.

Не понял! Возвращаюсь назад, в Анину палату. Прямоком
сквозь стену.

– Это Алик просил тебе передать, – говорит Игорь Ане,
указывая на листок со своим стихотворением. – И это тоже, –
протягивает ей моё согласие на посмертное донорство крови
и записку с просьбой спасти детей.

Ильина Анна / @nomerlina

Рассказ: «Путь домой»

Я проснулась от того, что плакала.

– Мама! – крикнула я, но не слышу ее шагов, не слышу щелчка выключателя.

Я снова и снова зову маму, но она крепко спит. Я ору изо всех сил, и, когда надежды не остается, она приходит.

– Что случилось? – мама трет глаза и зевает.

– Мне кошмар приснился, – говорю я. При свете, рядом с мамой, сон отступает, но стоит ей уйти, и он вернется.

Мама садится на кровать и гладит меня по голове:

– Что тебе приснилось? Знаешь, если рассказать кошмар кому-нибудь, то он никогда не сбудется.

* * *

Мне снился мой дом, мой подъезд. Я поднимаюсь на второй этаж: всего три лестничных пролета, и я увижу маму. Но вместо квартиры соседки вижу чужую дверь. Я обхожу квартиру за квартирой, но не нахожу своей. Я поднимаюсь на третий этаж, но нужной двери нет. Моего этажа нет, его будто вырезали и смяли. Я поднимаюсь все выше и выше, и вместо жилых квартир появляются недостроенные этажи. Я не знаю куда мне идти... У меня нет дома.

* * *

Я помню, как проводила в то утро Настю. Она надела новую кофточку с пуговицами в виде кошачьих мордочек. Насте уже восемь лет, а я словно только вчера впервые увидела ее бездонные глаза. Я стою на пороге, она машет мне и уходит. Спускается по ступенькам; я слежу, как исчезает ее фиолетовая шапочка и рюкзак, потом закрываю дверь.

Когда я вернулась с работы, Насти не было дома. Позвонила всем подружкам – никто не видел дочку после школы. Я обошла соседние дворы, кричала, звала ее, но моя дочь потерялась. Я не смогла найти Настю. На третий день поисков служебная собака привела в грязную подворотню, где на обшарпанной стене было несколько капелек крови – все, что осталось от моей девочки...

* * *

Этот сон я не рассказывала маме. В нем я иду из школы и чувствую, как кто-то преследует меня. Оглядываюсь, но не замечаю никого. Иду дальше, потом оборачиваюсь и вижу мужчину – он не сводит с меня глаз, он крадетесь вдоль длинного дома. Ему нужна я...

* * *

Лейтенант с холодными глазами показал мне содержимое грязного черного пакета. Заскорузлую от крови кофточку с пуговицами в виде кошачьих мордочек. Они были белыми, с черными точками-глазками, а теперь покраснели так,

что не отмоешь. Таких кошек не бывает. Не бывает в справедливом мире. Настины колготки не отстирать теперь даже в литрах белизны. Последними лейтенант достает ее тетради и книги. В них расписалась смерть.

* * *

Я снова сплю и знаю, что потерялась. Я иду по чужому городу, где не могу найти ни одной знакомой улицы. Я сажусь в троллейбусы, проезжаю бесконечные остановки, но не вижу ни привычных домов, ни родных людей. Я обречена вечно плутать в незнакомом городе. Я потерялась навсегда.

* * *

Лейтенант позвонил мне. Они нашли его. Я не хочу видеть лицо убийцы – это всего лишь оболочка, за которой прячется нелюдь. В его глазах я увижу лишь последние минуты моей Насти, моей кровиночки. Мне надо только знать, где он спрятал ее. Я хочу похоронить мою дочь. Хочу, чтобы ее душа нашла путь домой.

Эмма Грейс / @emma_book9

Рассказ: «Ночь в Тауэре»

Миниатюрная рыжеволосая девушка отрывает взгляд от книги и улыбается своим мыслям. Ее мечта сбылась, она проведет Новый год в Лондоне, и не просто где-то, а на костюмированном балу в Тауэре.

Лучшее место для бала – старинный, мрачный, атмосферный замок. Особенно большое удовольствие Саре доставляет мысль о шикарном вечернем платье в средневековом стиле, которое она наденет. Девушка снова погружается в чтение книги о легендах Тауэра. Одна из историй интересует ее больше других, история жизни и смерти Анны Болейн, второй жены Генриха VIII. Он казнил ее. Девушка долго не могла родить ему наследника, а он сам влюбился в другую. Кстати сказать, у Генриха было шесть жен. Сара много слышала об этом раньше, но в книге она читает и кое-что еще, заставившее сильно усомниться в идее провести в Тауэре несколько ночей: «Наиболее ужасно выглядит призрак Анны Болейн, она появляется в Тауэре в виде женщины в белом, которая, держа отрубленную голову в руках, бродит по тюрьме.»

Сара чувствует, как страх внутри медленно поднимает голову и распускает свои когтистые лапы. Больше всего на све-

те девушка боится одного – призраков. Звучит глупо и по-детски, но разве каждый наш страх поддается объяснению? Вдруг кровожадный мстительный призрак Болейн действительно бродит здесь по ночам? Сара уже вскакивает с лавки, намереваясь сбежать прямо сейчас. Но мысль о празднике и сногшибательном платье ее останавливает, а книга летит в мусорку.

Этой ночью Сара никак не может уснуть, мысли о призраках лихорадочно крутятся в голове. Девушка подходит к окну, ей срочно нужен воздух. Луна освещает двор, темные мрачные стены тюрьмы выглядят пугающее. Но вдруг Сара видит то, что не поддается никаким доводам разума – по дороге, излучая синеватое свечение, медленно едет карета. Внутри хорошо видна женщина, держащая в руке не что иное, как свою голову.

Сара хватается за сердце, все тело заливается жаром, а стальные объятия страха не позволяют закричать. Она продолжает смотреть. Стройная женщина в белом выплывает из кареты и направляется к дверям, ее отрубленная голова сочится кровью. Вдруг колени Сары подгибаются, и она падает на пол. Несколько минут девушка убеждает себя, что это был сон, кровь шумит в голове, а дыхание никак не хочет приходить в норму. Она поднимается, и в этот момент в дверях появляется фигура в нежном белом платье, а вслед за ней, изуродованная отрубленная голова. Без сомнений, это Анна. Она двигается по комнате из угла в угол, будто

сильно раздражена. Затем она подплывает к Саре вплотную и тут же исчезает. Девушка судорожно хватается ртом воздух, руки и ноги трясутся, в голове взрываются огни. А на пол, словно из воздуха, падает та самая книга, которую Сара выбросила утром. Девушка медленно дотрагивается до нее, она открыта на странице об Анне, перечёркнутой чем-то черным.

Все дальнейшие события Сара помнит, словно в тумане. Ей кажется, что кто-то другой управляет ее телом. Она выходит в коридор, и куда-то идет. Страх исчез, теперь все кажется таким естественным и простым. Она входит в пустую комнату, Анна уже там, стоит у стены. Вдруг комната меняется, и Сара видит живую Анну, молодую и прекрасную королеву, рядом с любимым и любящим мужем. Они идут рука об руку и улыбаются. Затем Анна нянчит новорожденную дочь, а Генрих рвет и мечет, так и не получив наследника. Картинка меняется, и вот Анна рыдает на кровати, а за стеной Генриха ублажает одна из фрейлин королевы. Вот король подписывает указ, и Анне, одетой в то самое, белоснежное платье, отрубают голову.

Именно такой была история этой женщины, которая сейчас стоит недалеко от Сары, окровавленная, с отрубленной головой. Любимый муж лишил женщину жизни, в мечтах о наследнике он менял жен, как перчатки. Сара сама не замечает, что плачет. Слезы текут и текут по лицу, она жалеет Анну, чувствует ее боль и смятение. Призрак выплы-

вает из комнаты, и Сара теряет сознание. Она просыпается следующим утром в своей постели, воспоминания туманны, но она помнит. Помнит Анну, несчастную, страдающую женщину. Ее лишили жизни по прихоти отвратительного бездушного человека. Теперь Сара понимает, что больше не боится, она изменилась, Анна изменила ее. Призраки не причинят вреда, они лишь часть страдающей души, обреченной на вечные муки.

Нужно было лишь взглянуть в глаза своему страху...

Дмитрий Мацюк / @dmitry_matsyuk

Рассказ: «Обещание»

– Игорь Иванович, дорогой, прошу тебя, атайди от края, – вообще-то Гиви был ещё тем грузином, мать с отцом его родились здесь, да и он сам никогда в Грузии не был, хотя продолжал терроризировать окружающих своей мечтой о Тбилиси.

– Ты что ли, генацвале, боишься за меня, переживаешь?

– Боюсь, дорогой, нравится мне наш дворник – таджик дядя Миша, ему потом два дня мозги твоей бледнолицей задницы с асфальта отскребать, да и кто же мне, кроме тебя, двести штук на тачку займёт? Ты, вот, сначала займи, а потом уже перегибайся через перила сколько вздумается. На здоровье!

Игорь усмехнулся, посмотрел на Гиви и нарочито, перегнувшись через перила, расставив обе руки в стороны и подогнув ноги, глубоко затянулся сигаркой.

– Дебил ты, генацвале.

– Что есть, то есть, – Игорь, не разжимая зубов, сделал глубокий вздох и с силой вытолкнул сигарету по экспоненте вниз, – первая пошла! Пошла, пошла родимая!

– Засираем? – у дверей балкона с кастрюлей в руках стояла жена.

– По мере возможностей, Наташенька, ты иди к гостям, мы сейчас с Гивинастом договорим и тоже подтянемся.

– Повезло тебе, что у нас тринадцатый этаж, снизу не разглядеть, из какого окна бычки с орбиты вываливаются.

Игорь проводил жену взглядом, достал из пачки сигарету и, прикурив её, глубоко затянулся.

– Вторая на старт!

– Рака не боишься? Или дяди Миши? Ты смотри, он хоть и не совсем индеец, но ещё тот следопыт.

– Я ничего не боюсь, Гиви. Ты сказки любишь, слышал про Кощея? Вот и я типа такого же – бессмертный я, дружище. Думаешь, если я сейчас грохнусь, так лишь лепёшка останется? Нет, брат.

Мимо балкона опять промелькнула тень жены с очередной порцией салатов. Тень успела неодобрительно покачать головой, осуждая последние слова мужа.

– Ладно, пойдём уже к гостям. Игорь отодвинулся от перил и вдруг рывком сделал движение, словно хотел выпрыгнуть с балкона. Невидимая стена как бы преградила ему путь, и он буквально упёрся руками в пустое пространство.

– Ну ты шут! Мим проклятый! У меня сердце в пятки ушло.

Гиви не видел, как в тот самый миг, когда Игорь пытался перепрыгнуть через перила балкона, от здания дальней многоэтажки отделилась и быстро полетела вниз фигура человека. От Игоря этот момент не ускользнул, но он не придал

данному факту какого-либо значения и направился в коридор.

– погоди, что там внизу, люди со двора бегут по направлению к двадцатому дому. Что там случилось?

– Не видел, да что ты на ерунду обращаешь внимание, может собаку сбили.

– У меня ж там тёща живёт, надо бы позвонить, узнать. И Гиви стал набирать номер на сотовом.

Игорь вышел с балкона и, пройдя через коридор, оказался в зале.

– Не прошло и ста лет, как именинник наш нарисовался. Мы тут уже второй раз за твоё здоровье выпиваем, – Надя улыбнулась и демонстративно чокнулась бокалом с женой Игоря. В комнату вбежал Гиви.

– Надь, Виктор Иванович с собой покончил.

– Это какой, мамин сосед что ли? Со сто двенадцатой?

– Да, представляешь, тёща как раз с магазина возвращалась, а тут он, метрах в двадцати, прям в палисадник. Сам в лепёшку, все цветы в кровище, там людей прям наизнанку от этого зрелища выворачивает.

– Меня сейчас тоже вывернет, Гиви, не рассказывай мне этих страстей, да ещё и за столом. Ужас какой, скажи, Серёжа?

Леночка толкнула мужа локтём, явно ожидая с его стороны поддержки.

– Мы теперь есть не сможем, – она с притворным недо-

вольством положила вилку на стол.

– Не знаю как ты, Лен, но Наташа готовит как сам Дьявол, мой аппетит никакими историями не перебить. Я уже давно, до того, конечно, как стал с тобой встречаться, пытался её у Игоря отбить, но она как пришта к этому придурку. Ты чего в нём нашла?

– Сама не знаю, Серж, может привычка. Всё же, сколько лет вместе.

– Тебе с таким талантом ресторан нужно открывать, не знаю, есть ли на свете кулинарные секреты, о которых бы ты не знала, – Сергей повернул голову в сторону Елены, – не дуйся Солнце, ты тоже ничего так готовишь!

– Не знаю, что меня в тебе больше всего бесит, то, что ты постоянно чужих баб нахваливаешь, или то, что ты просто кретин, – и Лена обижено отвернула голову в сторону от мужа.

– Хватит тут испанских страстей, давайте уже за именинника выпьем, сколько тебе сегодня, Игорёша? – Гиви протянул другу налитую стопку.

– Не помню, сто восемьдесят четыре, вроде.

– Юморист. Представляете, сейчас на балконе, этот шутник чуть сам на асфальт не приземлился.

– Гиви, пойдём покурим.

– Да ты же только что смолил, сам погибаешь и из меня пассивного курильщика сделать пытаешься?

– Не ссыте, дохтур, я копыта не откину.

– Ну пошли, Бессмертный.

Они вышли на балкон.

Гиви посмотрел вниз, – Далеко падать. Застеклил бы ты его, Игорёша. Неужели не страшно? Ты в армии десантником верно был, раз высоты не боишься.

– Высоты я никогда не боялся, всегда боялся лишь одного – смерти. А в армии я был вольноопределяющимся, в пехоте служил.

– Это что ж за звание такое?

– В царской ещё России было.

– Сколько тебя знаю, Игорь, всё никак раскусить не могу, у тебя правда с вымыслом – всё вперемешку.

– А что, если я тебе правду рассказываю, а Гиви? – Игорь усмехнулся, – Но, если хочешь сказку, то давай. Только я тебе её наподобие тысячи и одной ночи расскажу. Хочешь? – Гиви кивнул, – Ну вот, значит, дело было во времена Кавказской войны. Небольшой отряд, арьергард, посланный вперёд на разведку, попал в засаду. Свои были недалеко, но уж больно быстро с ними смогли разделаться. Может, кто и сумел выжить, только все бросились в рассыпную. Один солдат, он был молод и неплохо сложен, с детства любил бегать. Наверное, это его и спасло. Он бежал без остановки, дышал захлёб и рывками, кашель вырывался из его горла, но всё продолжал бежать и бежать. Потому что единственное, чего он боялся, была смерть. Как во сне он слышал крики своих погибающих товарищей, всё тише и тише станови-

лись они, пока вообще не затихли. Минут двадцать или сорок, не знаю, потом, когда сил уже не осталось, он шёл, наверное, всю ночь, он всё больше и больше углублялся в горы. Потом, вконец обессилив, он упал и, прислонившись спиной к огромному, замшелому валуну – заснул. В горах не жарко, проснувшись, он не пожалел о том, что не сбросил по пути тяжёлую шинель, всё же она сумела его сберечь от холодной ночи. Он посмотрел на свои изодранные о камни пальцы, порванные штаны, запёкшаяся кровь была всюду. Решив осмотреться, он приподнялся и осторожно выглянул из-за валуна. Хотя то, что он в темноте принял за огромный камень, камнем не было. Старая кирпичная кладка, давно съеденная мхом. Это был небольшой горный аул, который люди покинули не одну сотню лет назад. И тому, видимо, была причина. Больше половины деревни была сметена селевым потоком. Чувство холода постепенно покидало беглеца, на смену ему приходило другое, не менее неприятное. Порывшись в кармане, он вытащил из него переломанный сахар. Надежды на то, что в ауле может найтись что-нибудь съестное, практически не было. Но вода, здесь могла быть вода. Стоило ему только подумать об этом, как жажда стала нестерпимой. Флягу он всё-таки потерял, а жаль, вода в ней точно была. Колодец, в деревне он наверняка есть. А может и не один. Было бы хорошо, если бы его не завалило камнями и грязью. Через какое-то время он нашёл то, что искал, колодец был не глубокий, но он был... пуст. Солдат спу-

стился вниз, по обе стороны колодца шёл низкий овальный проход. Влажный, прохладный ветерок, скорее всего, вода здесь всё же есть. Он выбрался из колодца, нашёл пару сухих веток, поджог их и, вновь спустившись на дно колодца, пошёл по одному из проходов. Проход постепенно расширялся и, довольно скоро он попал в обширную пещеру. Но, ещё не дойдя до пещеры, он услышал звук текущей воды. Это был родник. Он жадно прильнул к нему, и пил до тех пор, пока не понял, что жажда отступила. Счастье. Он поднял с земли брошенный в спешке факел и осмотрел пещеру. Волосы на его голове, повинувшись единому чувству, зашевелились. Пещера имела овальную форму и почти полностью была заполнена мертвецами. Взоры пустых глазниц, скелетов одетых в странные, тёмные одеяния, были обращены к центру пещеры. Солдат подошёл ближе, осветив эту часть пещеры. Посредине каменного зала, на коленях, стоя лицом друг к другу, находились два мертвеца. На головах у них были странного вида шапки, точнее то, что от них осталось, а в руках они держали блестящий ларец. Голод, холод и жажда были позади, новая страсть поглотила нашего беглеца – нажива, может быть благодаря этим найденным сокровищам, он сможет позабыть обо всех предыдущих своих бедах до конца жизни? Солдат вырвал ларец из костлявых рук и открыл его. Пыль. Что ж. Он высыпал грязь на пол пещеры, сам ларец ведь тоже чего-то стоил. Пора было убираться из этого проклятого места. Подняв факел, он повернулся к выхо-

ду из пещеры. Надо было ещё найти какой-нибудь кувшин и вернуться сюда за водой.

– Даже не спросишь?

Оборачиваться совсем не хотелось, сам голос вызывал страх, что за существо могло обитать в этом богом проклятом месте? Конечно, ещё оставалась слабая надежда на то, что его настигли преследователи. Он обернулся. Почему-то, еще до того как увидеть весь ужас того, что из себя представляло это чудовище, он уже понял, что всё будет гораздо страшнее самого смелого его ожидания.

Собрав все остатки мужества, он произнёс.

– Я так понимаю, что песок из ларца я выкинул зря?

– Правильно понимаешь, – существо усмехнулось, – давай я другой образ приму, всё же есть я тебя не собираюсь, а пугать лишний раз мне тебя совсем ни к чему. А то, того и гляди, сердце твоё не выдержит.

Пара рогов сменились черными, как смоль волосами, кожа, хоть и стала заметно светлее, всё ещё оставалась серой. Исчезла чешуя, волосатые руки стали более ровными, и когти на пальцах уменьшились и перестали загигаться. Две полновесные груди увенчали образ. Глаза, по сравнению с теми бездонными, сияющими огнём ада, дырами, были даже немного красивыми. Копыта... видимо, тут изменить было ничего нельзя. Хвост стал длиннее, но менее толстым.

– Так лучше?

– Гораздо, всё ещё страшно, но терпимо. О чём я должен

был тебя спросить?

– Наверное «почему», почему все эти люди собрались здесь и кто их всех... убил?

– Пожалуй, на последний вопрос я ответ знаю.

– Безусловно, но они это заслужили. Нет, это никакой не аул и месту этому гораздо больше, чем несколько столетий. Сейчас бы вы назвали это место монастырём, так вы называете сборище одиноких мужиков? Они пытались вернуть меня домой, там, с другой стороны пещеры, есть... была очень глубока пропасть, ведущая напрямиком в Преисподнюю. В последний момент, я вызвала землетрясение, и сошедший с горы оползень надёжно запечатал все их надежды на моё возвращение. А они, они просто не смогли отсюда уйти. Не успели. Воздух был насыщен пылью вперемешку с землёй. Они увязли в липкой жиже и просто задохнулись. Эти двое предпочли смерть, но не выпустили ларец из своих цепких пальцев, – она подошла в плотную к двум, иссохшим до костей, мумиям и те, в мгновение ока, превратились в пыль. Отступники. Дала им знания, взамен их жалких душёнок. И вот благодарность. Не смогли справиться со мной доморощенными заклинаниями и потащили сюда. Про джиннов или девов слышал?

– Да, читал сказки.

– Каждые тридцать лет, проведённых в заточении, я давала клятву падшим богам, моля их о вызволении из этой проклятой коробки. Но вчера, в канун нового срока заточения,

я дала самую безумную из своих клятв. Я поклялась, защищать моего избавителя от любых невзгод, будь-то ранение, болезнь или даже сама смерть. Никогда не использовать свою силу в отношении его, ни для уничтожения, ни для возвышения над ним, ни для обогащения его. Всегда быть рядом с ним. Тебе повезло, найди ты меня на день раньше, всё было бы иначе. Прошлая моя клятва была куда примитивнее. Я просто разорвала бы тебя на тысячу разных кусочков. Но нам пора, я готова для пришествия в мир.

Его трясло, конечно, внешне он старался не подавать виду, но страх был сильнее. Она шла прямо за его спиной, запах серы и смрад от дыхания чудовища шёл впереди их обоих.

– Должна сознаться, твой страх открывает передо мной твоё сознание. Мы, создания тьмы, питаемся вашими слабостями, страстями, страхом, гневом, болью. Когда ты боишься, я могу читать твои мысли. Не бойся, я не возьму от тебя ни капли. Этот мир сам прокормит меня, да, теперь и тебя, когда ты под моей защитой. Свою подлинную внешность я сумею скрыть от посторонних глаз, а запах, он развеется, всё же я слишком долго была спрятана в пыльной коробке.

Они вышли к колодцу, беглец протянул руки, чтобы ухватиться за край выступа, но в этот момент на его голову обрушился удар черкеской шашки... Нет. Клинок даже не успел коснуться его, как вслед за шашкой на дно колодца упала отрубленная голова горца.

– Не бойся, иди вперёд, – он оглянулся. Изменился

не только сам голос, изменилось всё, за его спиной стояла девушка необычайной красоты, длинные ресницы, лёгкая горбинка на переносице, чёрные, словно выточенные из оникса глаза смотрели на него нежно, но в тоже время была в них непостижимая сила, уверенность, находящаяся в каждом из произнесённых этим коралловыми губами слов. Она была не только красива, во всём её облике читалась принадлежность к древнейшему и славнейшему из родов, правящих этими местами. – Иди, – повторила она, и он повиновался. Вокруг колодца, плотным кольцом находилось множество всадников. Дула их ружей были направлены на него. Один из черкесов, по-видимому, предводитель этих людей, обратился к нему.

– Война, дело мужчин. Мы выследили каждого из вас и все твои товарищи давно уже мертвы. Но ты выбрал не тот путь. Это место ещё предки моих предков обходили стороной. Наши легенды говорят, здесь спит древнее зло. Я видел следы, которые привели тебя сюда, ты был один и то, что сейчас позади тебя, человеком быть не может. Даже если б она пришла сюда сама и другой тропой, слишком чисто её платье, слишком невинны её глаза, и слишком горделива осанка. Я шёл за тобой беглец, но уже не для того, чтобы убить тебя, а для того, чтобы ты не успел привести в наш мир Это. Открой своё истинное обличие, Зверь.

Девушка вышла вперёд.

– Я чужда вашему миру, и это правда, но как бы я не хо-

тела вам навредить, сейчас я это могу сделать лишь в одном случае, если вы станете угрожать этому человеку. Я дала обещание, и пока он жив, слово моё нерушимо. Попробуйте убить меня – умрёте, попробуете убить его, ваша участь будет решена. Дайте нам уйти, и забуду про ваши жизни и не наврежу миру так, как могла бы сделать это в прежнее время. Вы просто тростник на ветру, я дуну, и вас не станет. Не отдавайте ваши жизни напрасно.

Главарь, спешился и подойдя ближе сказал: – Поклянись в том силами, пославшими тебя в наш мир.

Девушка, выдернув из ножен кинжал, одним взмахом сделала на своей руке глубокий надрез, странные слова произнесла она своим истинным голосом, кровь, лишь коснувшись земли, стала превращаться в странные символы светящиеся неистовым белым светом и тут же исчезать...

– И что? – Гиви взял из рук Игоря прикуренную сигарету.

– И всё, Шахраду застигав утро, и она прекратила дозволенные ей речи, – Игорь кивком головы указал на прильнувшую к дверному косяку жену.

– Идите уже в зал, сказочники, – Наташа улыбнулась и пошла вперёд.

– Классная у тебя всё же жена.

– Что есть, того не отнимешь, завидуй молча. И друзья пошли к гостям.

Через час, когда последние из них разошлись по своим домам, Игорь вновь вышел покурить на балкон.

– И что прикажешь мне теперь с ним делать? — Наташа встала с ним рядом.

– Ты о ком?

– Ты знаешь, о Гиви, зачем ты так поступил?

– Что хочешь то и делай, мне всё равно.

– Он ведь так и не побывал в Тбилиси. Надеюсь, он воспринял твой рассказ только как сказку. Иначе мне придётся его убить.

– Мне всё равно.

– Иногда мне кажется, что из нас двоих демон – это ты.

– А ты в зеркало глянь, если, кажется, только сначала обличье настоящее прими.

Наташа заплакала, слёзы текли из её глаз, обычные, женские слёзы.

– Милый, прошу, хватит пробовать лишать себя жизни, ты же знаешь. Я дала обещание и не могу его нарушать. Ты не можешь пострадать, и мне приходится забирать взамен жизни других – она снова заплакала.

Игорь повернулся и обнял жену, – Да ладно тебе, Чудище-Лесное, иди уже в спальню. Будешь сегодня Анжелиной Джоли.

Наташа улыбнулась и скрылась в дверном проёме балкона.

Iznanka_9 / @iznanka_9

Рассказ: «Плохое место»

СВЕТА

– Ой, давай объедем этот район. – Засиделась в смартфоне и не заметила как муж, стараясь выбраться из пробки, построил маршрут через частный сектор.

– Да, ладно тебе... хорошие дороги, элитные домики, что не так? – Олег, не собиравшийся менять удобный маршрут, попросту отмахнулся от недовольной жены.

– Ну, тошно мне опять станет. Выбьет из колеи дня на три минимум. И секса тебе тогда не видать, как своих ушей! Не до удовольствий плотских и не до утех, когда такая гнезущая мерзота внутри, – захожу уже с тяжелой артиллерии.

– Ты меня пугаешь, это шизой пахнет. Расскажи толком, в чем проблема у тебя с этим районом?

– Сама не знаю... была тут на вызове с бригадой «скорой помощи», и как накрыло... такой тоской и безысходностью... ужасом и болью потери невозполнимой. И с тех пор каждый раз, как здесь бываю, реву потом несколько дней и отделаться не могу. – Я смахнула с ресниц уже подступающие слёзы.

– Ну точно шиза! Может, ты в детстве тут бывала, и что-

то страшное произошло? – Похоже, у Олега включился режим крайнего любопытства, которое не отпускает его, пока не завершится вкусным приключением. – Не хочешь заглянуть своему страху в глаза, чтоб навсегда от него избавиться?

А на меня уже опять накатило. Слезы душили, хотелось прямо сейчас заорать в голос и, разорвав в потолке авто сначала обивку, а потом и металл, выбраться наружу.

– Останови машину! Останови машину! – секунда, и меня вывернуло наизнанку: эспрессо, пончики и много-много желчи.

– Твою ж мать!!! Света! Бли-и-ин.... Придется обновить салон, походу...

Но его голос доносился уже откуда-то издалека. Я выкадилась на дорогу и, не переставая, выла, низким утробным звуком. С трудом повернулась спиной к желтому особняку с сиреневыми шторами на окнах и стала отползать.

– Убери эту вонь! Прогони мух! Они съедят меня заживо... Я засну, и они отложат мне в нос и уши мерзкие мушиные яйца...

ОЛЕГ

Светка каталась по асфальту и орала, отгоняя от себя невидимых насекомых. Она лезла пальцами себе в ноздри и уши, расцарапывая их в кровь, лупила себя по лицу, требовала убрать от неё этот ужас, который смердит. Смотреть на это внезапное буйное помешательство было очень страшно.

Вызвал бригаду «скорой».

Из окружающих домов повыбежали люди, предлагая мне помощь. Мы с тремя крепкими парнями навалились и придавили несчастную к земле, сжав её руки и голову. «Мамочка... Танечка... заберите меня с собой...» – причитала, захлебываясь, Светка.

Скорее бы приехала «скорая помощь»...

Прошла неделя.

Сегодня забираю жену из больницы. И не знаю, стоит ли ей рассказывать о том, как я привел на то самое место друзей со служебными собаками, и как дружно псы залаяли на желтый особняк с сиреневыми шторами. Как по моей наводке заявила туда группа товарищей и нашла подвал. Тот самый оплот ужаса... смердящий и кишачий мясными мухами и опарышами.

Как вынесли из этого ада полуживую девчущку, кожа да кости...

А потом труповозка забрала уже сильно разложившиеся останки её матери и младшей сестры. Руки и ноги обоих трупов местами были обглоданы до костей.

Даже самых сильных и прожжённых ребят рвало от этой вони, от лопающихся с противным звуком личинок под подошвами и от безмолвия отчаянных криков, пропитавших земляные стены.

Этого урода, «отца семейства», нашли быстро. Сознался. Говорит, это он так их наказал. Хотели бросить его и уехать.

Мол, предатели, семейные ценности для них пустой звук. Закрыл жену и дочек в земляном склепе под домом, год назад... Урод!

Так стоит Светке об этом говорить или уже не беречь душу?

Полина Киселева / @roulineki

Рассказ: «Болото»

* / *

– Кретин чертов! – Нина возвращалась домой с деревенской дискотеки по безлюдной дороге, громко ругаясь. Ее парень, Макс, снова напился и устроил скандал на пустом месте. В результате девушка шла по обочине уже минут двадцать, полная злости и негодования. Этот путь она могла бы пройти и с закрытыми глазами – знала каждый сантиметр дороги. И перспектива шлепать вдоль трассы ее ничуть не пугала.

В голове один за другим всплывали обрывки разговоров о девушках-жертвах убийцы, орудующего в этих краях. Тела находили с перерезанным горлом близ соседней деревни. Поговаривали, что убивал кто-то из своих. Но это же деревня – тут каждый знает друг друга. Кто в такое поверит вообще? – Небось, специально девчонки страху нагнали. Нина плотнее укуталась в куртку, наброшенную поверх легкого платяца – прохладная ночь выдалась. И, словно в такт мыслям, дорога осветилась фарами. Девушка обернулась – в ее сторону медленно двигалась легковушка. Поравнявшись с ней, машина замедлила ход и затормозила чуть впереди.

Нина остановилась и присмотрелась в напряжении. Ну, Слава Богу, Василь – старый приятель, сынок богатеньких родителей, мажор – частенько отдохавший в дачном поселке возле их деревеньки.

– Здорово, мелкая. Что это ты одна и ночью? Давай доведу, – парень приблизился к ней явно нетвердой походкой.

Она почти уже согласилась, пока не увидела взгляд Василя.

– Ты пьян что ли? – Нина выдавила из себя подобие улыбки.

– Ой, ну не начинай, – ехидно оскалил зубы он в ответ, – тут ехать-то два км, и пусто. Даже лоси на дорогу не выходят.

– Да ты поезжай, мне все равно надо дожждаться Макса. Мы слегка повздорили и вот, – пролепетала она.

– Детка, не смейся – тут ни души вокруг, только лес да мы с тобой. Поехали, я тебе говорю, – ухмылка исчезла с его лица, глаза сделались жёсткими, в руках блеснуло лезвие, он подошел совсем близко. Времени размышлять не было.

2

Ветки в глаза, уханье сов, треск, скрежет, скрип – все звуки будто ополчились против нее. Нина бежала со всех ног, уже не понимая куда. Ее единственная союзница – луна – скрылась за облаком, погрузив лесную чащу в черную бездонную тьму. Дыхание девушки сбилось, на нее липкой волной накатывала паника.

Нельзя останавливаться, нельзя останавливаться, он до-

гонит меня – пронеслось в голове. Что-то хлесткое задело по щекам, оставив царапину. Девушка остановилась на мгновение, протянула руки вперед – всего лишь еловая лапа. Глаза немного привыкли к темноте, луны по-прежнему не было видно. Пытаясь усмирить страх, Нина прислушалась. Лес не молчал: не переставая ухала сова, слышался хлопок крыльев, жабы или лягушки квакали, создавая эхо. Осторожно ступая, девушка медленно продвигалась дальше, один шаг, другой.

Громкий треск раздался где-то совсем рядом, в ужасе Нина остановилась, кажется, даже дышать перестала. Сколько прошло времени, пока она так стояла, не двигаясь, понять было невозможно. Ногам было мокро, кеды промокли насквозь – видимо, вляпалась в лужу. Нужно двигаться дальше, решила Нина, но почувствовала, как тело тяжелеет, и ее тянет вниз. Чертово болото – пронеслось в голове. Не в силах пошевелить ногами, она ощущала наступление конца света – неужели ей предстоит утонуть тут, в противном болоте, и никто даже не узнает. Ужас пробежал по всему телу, в панике она начала водить вокруг руками в поисках хоть чего-то, за что можно было зацепиться, на лицо налипла тина, грязь въелась в кожу, Нина пыталась дотянуться до кустов, зацепиться за ветки, но они вскальзывали или обрывались под ее тяжестью. Болото засасывало нещадно. Услышав дикий вопль, девушка не сразу осознала, что кричит она сама.

– Да хватайся же ты, черт тебя подери, дура несчастная.

Луна высвободилась из-под туч, и Нина разглядела очертания Василя – тот протягивал ей палку.

– Хватайся, потонешь же! – парень аккуратно подошел ближе.

Не веря глазам, Нина вцепилась в палку и, что есть мочи, начала выталкивать свое тело, утопающее в жиже. Василь, потянул ее на себя, и вот она уже на четвереньках стоит на твердой земле, отплёвывая ошметки грязи и черте-что еще. Рядом упавший на спину лежал, тяжело дыша, Василь. Возможный убийца невинных девушек. Спасший ей жизнь, чтобы забрать.

«Ты не бойся болота, дочка» – говорила ей в детстве бабушка, – «оно всю душу человеческую видит. Хорошим – помогает, а черные души, гнилые – забирает. Это наше Чистилище.»

– Давай помогу, – услышала Нина голос Василя над собой.

Медлить нельзя. Резко вскочив на ноги, она толкнула парня. Он покачнулся, попытался удержать равновесие, попятился назад, но оступился и оказался в плену трясины.

– Ты что ж это делаешь? Спасай меня теперь... эй, спаси меня. Вытащи меня. Тварь мерзкая, вытащи меня.

Нина уходила, не оборачиваясь. Позади нее болото вершило свой страшный суд.

Диремова Марина / @mari_homewriter

Рассказ: «Пророчество»

В воскресенье отыскать свободную скамейку в парке всегда сложно. Лена заметила одну, и они со Стёпой побежали к ней. Немного не успели, пришлось разделить с какой-то старушкой. Ну, ничего, места всем хватало.

Степану было пять лет. Он много спрашивал и уже вполне адекватно анализировал полученные ответы. Его рассуждения всегда приводили взрослых в восторг. Вот и сейчас он поздоровался с пожилой женщиной, спросил, не мешают ли они с мамой, если присядут рядом. Бабуля расцвела и, конечно, разрешила. Потекла неспешная беседа старого и малого.

Лена оставалась безучастной, иногда только поддакивала и улыбалась. Речь вели о погоде, о книгах и о жизни в целом.

Спустя полчаса Степан извинился перед бабушкой и, испросив разрешения у матери, пошёл кататься на качели, стоявший неподалёку.

– Хороший мальчик тебе достался, – без тени улыбки сказала пожилая дама. – Береги его. Если на кривую дорожку станет – это только твоя вина будет.

Лене и раньше часто говорили, что она счастливая, с сыном, мол, повезло. С рождения ни забот, ни хлопот. И ум-

ный, и дельный, и вообще молодец. Она кивала. Почём знать всем, сколько средств и сил вкладывает она в своего ребёнка. Сама не доедает иной раз, но сына водит в лучший в городе центр развития. Занимается с ним постоянно. Но никто не скажет, что есть её заслуга в том, какой сын вежливый и не по годам развитый.

– Да, достался, – огрызнулась она. – Пятилетний умный мальчик свалился на меня прямо с неба.

Она резко встала и пошла к Стёпе. Дама покачала головой, осуждающе глядя ей вслед. Почему она так отреагировала, Лена и сама не поняла. Грубость ей не свойственна. Наверное, сказала усталость последней недели. Муж приходил в ночи, ссылаясь за занятость на работе, но Лена знала истинную причину. Донесли знакомые, что проектом занимается он не один, а в компании белобрысой курочки-секретарши. Лена никак не могла решиться на разговор и ужасно мучилась, не спала и почти не ела. Сейчас ей только и не хватало, что нравоучений от незнакомых людей.

* * *

Бах! Бах! Бабах! Дверь дрожала. Лена кинулась в коридор, схватилась за шкаф с одеждой и попыталась сдвинуть, чтобы загородить проход. Не вышло. В коридоре послышались чьи-то крики и звуки завязавшейся борьбы.

– Господи, сохрани, – шептала она, закрывшись в своей комнате. – Помоги, боже.

На мгновение все стихло, а потом стали долбить с удво-

енной силой. Входная дверь сдалась. Дверь в комнату была совсем хлипкой, её Степан выбил одним ударом. Отыскал взглядом мать, забившуюся в проём между диваном и стенкой и направился к ней. Одним рывком вытащил хрупкую женщину и зарычал ей в лицо: «Сука, дай мне деньги!» Лена пыталась отстраниться.

Швырнул с силой на диван. Она упала лицом на деревянный подлокотник, во рту образовалось костяное крошево. Кровь текла отовсюду. Лена задыхалась.

– Где твоя обручалка, тварь? – Стёпа приподнял её за шиворот. В глазах алым цветом кипела ненависть к ней.

– Там, – еле слышно прошептала она. – В шкафу на верхней полке.

Он бросил её и пошёл в зал. Кольцо уже давно было продано, и деньги сын же и забрал, просто не помнит. Появился небольшой шанс на спасение. Женщина с трудом поднялась и открыла настежь окно. Четвертый этаж. Страшно...

Но что ей терять? Лучше умереть, разбившись о землю, чем от рук собственного сына. Так его хотя бы не посадят. Но может быть он испугается и перестанет пить. С этой мыслью она закинула ногу на подоконник, перевалилась через край и, зажмурившись, отпустила руки. Последнее, что она услышала, крик Стёпы: «Стой сукааа!»

Лена лежала на земле, раздробленная внутри на сотни осколков, но почему-то совсем не чувствовала физической боли. Болела душа... Где она свернула не туда? Что она сде-

лала не так? Развелась с отцом Стёпы?

Работала слишком много, предоставив его самому себе? Не смогла скопить нужную сумму, чтобы он поступил в престижный институт?

Перед глазами всплыл давно забытый образ благообразной старушки. «Это твоя и только твоя вина, милочка! – проскрипела она. – Сдохни, тварь!» Голос огрубел, сморщенное лицо стало мужским, поросшим густой щетиной. Он топтал её тяжелыми ботинками, пинал уже бездыханное тело и напоследок со всего маху ударил кулаком в лицо.

* * *

Лена открыла глаза. Белые стены. Капельница. Рядом с нею, на стуле сидел Степан и читал вслух её любимую книгу. Он был опрятен и ничего в нём не напоминало того монстра, который её убивал.

– За что, сынок... – прохрипела она.

Он дернулся от неожиданности и тут же просиял.

– Наконец-то, мама! Я сейчас, за доктором! – он выбежал из палаты.

– Слава богу, вы пришли в себя! Сынок с вами уже тут несколько месяцев ночует. Такой умничка, так вас любит, – щебетала молоденькая медсестра.

– Месяцев? А что со мной? – говорить было очень трудно.

– В аварию попали. Кома. Чудом спасли – девушка покачала головой. – А сын у вас просто молодец! Вы замечательно воспитали своего мальчика.

Лена вздрогнула. Слишком знакомый голос прозвучал в голове...

Анна Федотова / @annafedotova7874

Рассказ: «Девочка»

Старый деревянный барак Лёхи Рудкова недавно снесли как аварийный, а жильцов переселили в многоэтажку в новом квартале. Правда, Лёха, задумавшись по дороге, частенько после работы шел машинально к развалинам барака. Вот и сегодня, увидев груды обломков фундамента и обожженных досок, он вздохнул и уже повернулся в обратную сторону, как позади себя услышал тонкий звенящий голосок.

– Покачай меня.

Это была крохотная девочка лет шести в голубом платье с мелкими цветочками. Ее белокурые волосы, заплетенные в короткие косички, перетягивались капроновыми лентами. Точно такими, как у Лёхиной старшей сестры на черно-белых школьных снимках. Она смотрела, не моргая, круглыми почти прозрачными глазами.

– Покачай меня, – повторила девочка, худенькой ручкой указав на ржавые качели в опустевшем дворе бывшего барака.

Лёха огляделся. Солнце уже садилось, улица пустела, ветер стих, но ни один надоедливый комар не тревожил нависшую над двором тишину.

– Ты здесь одна, малышка? Где твоя мама?

– Мама придет, – протянула девочка задумчиво, – Покачай меня.

– Ладно, – неуверенно согласился Лёха, ловя на себе подозрительные взгляды проходящей мимо пары.

Девочка в три подскока подбежала к качелям и села, свесив ножки в белых гольфах и таких же туфельках на шнурочках.

Лёха слегка толкнул качели. При взгляде на застывшую в одной позе девочку он отдернул вспотевшую ладонь от холодного железа и сделал шаг назад. Тело боролось с разумом за желание бежать. Он с самого начала чувствовал спиной неприятный озноб, но разум одерживал верх: взрослый не бросит ребенка одного.

Пока Лёха прислушивался к своим мыслям, качели встали, девочка сошла и снова подняла на него свой прозрачный взгляд. В легких сумерках ее бледные губы были почти неразличимы на таком же бледном лице.

– Теперь ты, – сказала она коротко, показывая Лёхе на сиденье.

Возражать он не стал. Подошел на ватных ногах и сел. Зажмурился, тряхнул головой, чувствуя, что теряет волю. «Держись, – командовал разум, – Ты справишься, сохраняй спокойствие».

– Так, где же твоя мама? – спросил и посмотрел на девочку.

Вернее, на место, где секунду назад стояла девочка, но ее

там уже не было. Только назойливый комар пищал в самое ухо, и слабый ветерок шелестел мусором на развалинах.

Убедившись, что девочки нигде нет, Лёха как можно быстрее зашагал к дому.

Спину под футболкой неприятно щекотало, пальцы сжались в кулаки. Он старался не думать о произошедшем. Мало ли, что бывает в жизни. Он устал и просто идет домой.

Возле дома стояла толпа народу.

– Тамаре из пятой квартиры плохо. С ума, похоже, сошла, – объяснила соседка, – Как переехали, так она совсем сдала, может горе одолело под старость.

– В смысле, горе? – спросил Лёха, разглядывая разбитое окно пятой квартиры.

– Ты еще не родился тогда. Она дочь потеряла сорок лет назад. Малышку прямо во дворе нашего барака мотоциклист сбил. Держалась Тамара столько лет, а тут вон, кричит и в окна бьется, изранилась вся. Она ж и переезжать не хотела, а куда деваться, дом-то снесли.

Женщина промокнула глаза платком. Из подъезда вышла бригада скорой помощи.

– Расходитесь граждане, если что, вызывайте, а вообще, здесь специалист нужен. Из района. Не наш это профиль. Ну, вы понимаете, не в себе человек.

Лёха сбегал за инструментом. Не оставлять же бабулю на ночь без окна. Тамара спала после дозы снотворного, а две заботливые соседки поднимали с пола разбросанные

вещи и подметали осколки посуды и стекла. С фотографии на полочке смотрела белокурая девочка с двумя косичками. На пару секунд парень застыл, чувствуя, как мурашки пробежали по телу. Пазл сложился, но нужно было сделать дело, и он принялся за работу.

Молоток мерно постукивал по листу фанеры, за окном щебетали ночные птицы. Солнце, как показалось Лёхе, быстро закатилось, оставив его наедине с бабулей, а еще с фотографией и мыслями, которые внезапно прервались громким стоном.

– Сейчас..., – застонала соседка, ворочаясь на постели, – Сейчас, я приду.

Лёха спрыгнул со стула и поднял выпавший из рук молоток. Бросил взгляд на фотографию. Девочка на ней, как и прежде, улыбалась. Ему пришло единственное решение, и он помчался к развалинам барака. Остановившись лишь на детской площадке, уперся руками в колени, выравнивая дыхание.

Тишина закладывала уши, ржавые качели сливались с темнотой.

– Покачай меня, – раздался за спиной тонкий голосок.

Лёха, стирая рукавом проступивший на лбу пот, обернулся.

– Где твоя мама? – спросил он настойчиво, глядя в прозрачные глаза, отражающие ровный диск луны.

– Мама придет, – растерянно протянула девочка.

Лёха сжал кулаки и набрал побольше воздуха в легкие.

– Нет, – ответил он отчетливо, – Мама не придет.

Лицо девочки вытянулось, а глаза округлились еще сильнее, белые губы беззвучно зашевелились.

– Она здесь больше не живет, – повысив голос, добавил Лёха.

Медленно поднимаясь над землей, девочка протяжно завывала недетским голосом. Подол ее платья заколыхался на ветру, который налетел, поднимая пыль с развалин. Под ногами у Лёхи зашуршал бившийся о ботинки мусор. В нос ударил запах отсыревшей гари и пепел запылил лицо.

Скрип качелей перекрыл шелест листьев и кусков обоев, рвущихся от резкого ветра. Они застонали в унисон с призраком.

– Я! – крикнул парень, прикрывая лицо от летящей в него золы и песка, – Я провожу тебя к ней!

И сжав сухие губы, протянул девочке дрожащую руку.

Ветер в одно мгновение стих, девочка умолкла, опустилась на землю и, как ни в чем не бывало, подала Лёхе свои тонкие пальчики.

Обдав холодом его руку, отчего она немела, как под анестезией, пальчики прошли сквозь ладонь. Лёха выдохнул и имитированно сжал их.

Он не помнил, как дошел до нового дома. Несколько минут показались ему тревожным сном. Птицы во дворе смолкли, и только из-за приколоченной к оконной раме фанеры

доносился грохот и хриплые крики.

Левая рука вдруг обрела способность шевелиться. Лёха оглянулся, девочки не было. Он вбежал в незапертую квартиру. Наступила тишина. На полу валялись разбросанные стулья и книги. Тамара, тяжело дыша, медленно переставляя ноги, подошла к своей постели и легла.

– Мамочка, – услышал Лёха и, обернувшись, увидел свою новую знакомую.

Она прошла мимо, села на край кровати. Взглянула в его глаза и улыбнулась нежно, совсем как на фотографии. А потом исчезла, будто ее и не было.

Лёха перевел взгляд на соседку. Та глубоко вздохнула и сомкнула веки, а на ее лице заиграла счастливая улыбка.

Алиса Аве / @alisaave

Рассказ: «Самый страшный страх»

Тошнота мой постоянный спутник. Комок подкатывает к горлу, стучит, пульсирует, требует выхода. Поначалу я не сдерживалась. Но это привлекает их. Они сбегаются на запах страха. Заполняют тесную комнату. Я сглатываю горечь, приказываю себе уснуть.

«Не видишь, не боишься», – твержу мантру из детства.

Тогда я впервые столкнулась с ними. Заметила возле мусорного контейнера. Они копошились, выискивая еду. Страх угнездился во мне. У него маленькие чёрные глазки, холодный нос. И морщинистый голый хвост, подергивающийся вместе с моей душой.

Мантра не помогает. Я чувствую их. Они грызут мне пятки. Поджимаю ноги. Привыкла спать, сжавшись в комок. Руки закрывают уши, лицо прячется в коленях. Спина прижата к стене. Оберегаю свою красоту от ненасытных зубов. Пятки не жалко. Пятки спрячу в туфли.

Первую неделю я кричала, билась о стены.

Ватные ноги подкашивались. Костяшки рук покрылись коркой запекшейся крови. Голос пропал. Тело непроизвольно скрючивали конвульсии. Меня рвало. Я отключалась, падала в эти зловонные лужи. Они всё прибывали. В крошеч-

ной темноте живой ковер покрывал пол. Где-то в комнате лаз, крохотный, но гибкие тела протиснулись.

Лапки исследовали мое тело, мех щекотал лицо, носы углублялись в своих поисках.

Тонкий матрац они съели давно. В тот день, когда нам забыли принести поесть. Все пайки я отдавала им. Своему полчищу. Камеры зафиксировали. О, камеры отлично видели в густой темноте, в отличие от меня! Кормить перестали совсем. Тогда пятки и стали деликатесом.

Видимо, их подкармливали, пока я качалась на волнах кошмаров. Иначе, они бы меня съели.

Глаза привыкли к темноте. Грелась я теплом десятка шерстяных тел. Укусы напоминали, что я ещё жива. Постоянный писк и копошение перекрывал утробный вой моего живота. Есть. Я хотела есть. И это чувство вытесняло страх.

Окончательно его победила жажда. Три дня назад мне отказали в воде. Ведь бдительное око замечало мои конвульсии, отвращение, желание вращаться в стену.

Базовые потребности сильнее прочего. Я читала об этом когда-то очень давно. Страх бежит от вида потрескавшихся губ, всклокоченных волос, алчных глаз.

Вокруг меня бегают мясные бурдюки, полные животворящей воды. Разве человек не стоит на вершине цепи питания?

Жизнь хрупка. Пальцы крепко держат бьющееся тельце. Оно источает страх. В темноте блестят маслянистые глаза. Идеальные зубы, гордость моего стоматолога, вонзаются

в бок жертвы. Сквозь шерсть проступает красная влага. Вода! Я наконец напьюсь.

Кровавый оскал обращаю к мигающему огоньку камеры. Смеюсь. Хихикаю. Голоса так и нет, ведь рот полон.

Раздаётся пронзительный сигнал. Откидываю обмякшее животное. Зажимаю уши. Им тоже не нравится. Они бегут к лазу. Я слышу шуршание торопящейся стаи. Комната пустеет. Сигнал затихает. Я погружаюсь в сон, раскинувшись звездой на замызганном экскрементами полу.

* * *

– Есть ли необходимость напоминать вам о конфиденциальности процедуры, Кейтлин?

– Нет. Я прекрасно помню, что подписывала все приложения договора.

– Значит, о претензиях нам волноваться не стоит?

– Вы помогли преодолеть мой самый страшный страх. У меня нет претензий.

– Чудесно! Тогда могу вас поздравить. Мы приготовили вам небольшой подарок!

Профессор ставит на стол клетку с крысой. Белая, маленькая прелесть с красными пуговками глаз.

– Какая лапочка! Это мне?

– Да, как символ избавления от страха. Белый – цвет очищения.

Кейтлин едет домой. Её не было два месяца. В вагоне метро она разговаривает с новым питомцем.

– Надо придумать тебе имя, пушистик! Ты само очарование.

Люди смотрят на неё. Одни с умилением, другие недоумевают.

Кейтлин рада, что согласилась на экспериментальное лечение. Ей не зря нахваливали эту клинику.

Теперь у неё нет земмифобии. Есть милейшая крыска и купон на двадцати процентную скидку при последующем обращении.

Интересно, как они будут лечить её страх высоты?

Семенова Александра / @aliskoshkina

Рассказ: «Двор»

Часть 1

Нащупываю выключатель на стене. Яркое, видимое, наверное, с соседнего двора, мое окно гаснет. Осторожно, опасливо – не дай бог, расслышат шаги сквозь открытую форточку – прячусь за кружевной занавеской, за пучками листьев олеандра. Выглядываю на улицу. Сидят: кто на лавке, кто на качелях, кто пьет пиво из бутылки, развалившись на земле.

Ладно, обойдусь, с голода не помру, хлеб-вода есть. Когда-нибудь они уйдут, тогда и спущусь в магазин. И продукты куплю, и папе сигары кубинские, просил очень.

– Эй ты, скрипачила, че вылупилась? – летят в меня злобные слова снизу, – Влюбилась что ли? Спустись, мы тоже в тебя влюбимся, каждый по очереди, – и грохот сальных смешков. Двор молчит, никто не хочет портить карму об эту шпану.

Отскакиваю от окна, задернув шторы. Бегу в коридор, проверяю замки. И отойти не могу. Кажется, шаг в комнату, и дверь откроется сама собой. «Щелк» – верхний замок. «Щелк» – нижний замок. «Щелк» – ночная задвижка. И они ворвутся. Сердце аж трещит от волнения. Вдох, вдох, вдох,

ВЫЫДОХ.

Утро стирает вечерние страхи. На кухне папа колдует у плиты, запахи божественные. Но завтракать некогда, закидываю скрипку на спину и выбегаю.

– Настенька, доченька, ты вечером репетируешь?

– Ага, – отвечаю я на бегу.

– Осторожнее там, – несется вслед с балкона третьего этажа, – и не...

– Пора бросать. Не забуду.

Двор без злых отморозков так красив, особенно рябина, усеянная красными-красными ягодами. Говорят, богатая рябина – к лютой зиме.

Часть 2. Вечер

Они на месте, разбрелись по двору человек пятнадцать и пьяные гогочут. Обходить дом и пробираться палисадником – не вариант. Делать нечего: утыкаюсь в асфальт и бесшумно скольжу к подъезду. Кожей чувствую, как похотливо эти придурки пялятся.

Считаю про себя «74... 75... 76...», на «83» трясущиеся пальцы выбивают наконец правильную комбинацию домофона. Открываю дверь и резко отступаю. Упираюсь взглядом в хитрые, злые глаза и сальную ухмылку. В темном проеме – Серега с первого подъезда: вечно свистит, с остановки провожает, идет следом, никогда не обгонит, лишь шепчет из темноты противности, предлагает «дружить», а я не соглашаюсь.

– Ну что, красивая, поехали кататься? – напевает он, выталкивая меня в яркий свет фар, – Славик, усади девочку на заднее. Удобнее там, – подмигивает мне, – простора больше для фантазий.

И тут оцепенение спадает. Перескакиваю через ограду, несусь сквозь кусты сирени, под ногами хрустят ветки, кофр со скрипкой замедляет бег, но как можно бросить? Выбегаю на дорогу, оглядываюсь. Ну же, господи, хоть бы кто ехал, хоть бы кто помог! Но, назло, из машин только тонированный опель, визжит покрывками, выворачивая из-за угла. Они. Сердце бешено стучит «беги, беги, не останавливайся».

Машина несется на меня, в последний момент тормозя. Задние двери распахиваются и вываливаются трое, водитель остается на стреме. Следом катится внедорожник, из открытых окон по пояс высунулись дружки Сереги, а он – торчит из люка, словно король. Видит меня, указывает пальцем, клеймит своим выбором. Тройка наступает, посмеиваясь.

Глубоко вдыхаю и снова бегу. Сворачиваю с асфальта на грунтовку. В голове бьет тревога «неправильно-неправильно, там же заброшенный гранитный завод, в западню попаду». И тут получаю удар по голове. Рядом падает кусок гранита. В глазах темнеет, череп разламывается. Вот и они.

Первым поспекает костлявый Димка на год старше, толкает меня на землю. Падаю, боком ударяясь о твердую скрипку. Тело горит огненной болью. А парень сдирает с моего плеча рюкзак вместе с курткой, откидывает в сторону, а сам усажи-

вається сверху и разрывает рубашку. Тащит чашки лифчика вниз. Дергаю головой и бью его прямо в лоб. Реакция на секунду отсрочена, пока он с ненавистью смотрит на меня, но я получаю свое – удар в челюсть, рот наполняется кровью.

– Эй, придурок, она моя, – подскакивает к приятелю Серега, – не ушиблась? – протягивает руку, – мы ж просто шутим, – его тон говорит об обратном, – потанцуешь?

Джип разрывает ночь жутким, нечеловеческим ором, пробирающим душу волной паники. Я вдруг осознаю, что стою перед десятком пьяных, раззадоренных парней полуголая, стыдливо поправляю белье, тянусь к куртке.

– Ребят, слушайте, – начинаю я, – поздно уже, мне бы домой... – и пячусь к горе сваленных каменных плит, прижимаюсь, словно они защитят.

– Танцуй, тварь, я сказал, – больше в его голосе нет ни намека на учтивость.

Первые аккорды Now you remind me вызывают улюлюканья и примеры движений, которые я, по их мнению, должна воспроизвести. Один, имени не знаю, расстегивает штаны и запускает в них руку, не сводя с меня глаз. Его движения всё ожесточеннее. «Дальше каменоломни не убежать». Эта мысль почему-то успокаивает. Понятно, что делать – танцевать. Неумело вихляю бедрами, а парни хохочут и обсуждают – по часовой или против. Один, чернявый, подскакивает и срывает юбку. Слезы струятся по моему лицу. Пусть уже начнут. «Не сопротивляйся, только не сопротивляйся, тогда

не убьют». И я сама себе не верю.

– Вырубай, менты счас патруль пустят! – кричит Серега и, ухмыляясь, кидает куртку, – надень, я люблю горячих су-чек. Нравится так? – прижимается ко мне, грубо ведет рукой между ног. Тут раздается пиликание.

Он трясет мой рюкзак и бьет ногой по выпавшему телефону, экран трескается и звонок замирает. Парень разглядывает вещи на земле и поднимает коробку сигар.

– Думаю, папа обойдется. Пацаны, курнем перед первым кругом?

«Первый круг» в голове не укладывается, сердце уходит в пятки. Они закуривают, а я пячусь. Плита кончается, за спиной пусто. И я использую этот шанс – может быть последний – бегу, под ногами хрустит гранитная крошка. Ублюдки вскидываются, весело ржут, начинается охота – «дура, дом в другой стороне».

Судорожно вспоминаю детские годы, что безвылазно провела здесь, «где-где-где укрыться?!» Нырять в тень, парни пробегают мимо. Не дышу, пытаюсь унять стук сердца, что ухает, отражаясь эхом от гранита.

Через дырку в плитах вылезая к строительному контейнеру, типа гаража. Юркаю в приоткрытые ворота. В изнеможении прислоняюсь к ледяной стене. Всего и надо – переждать – утром или днем выйду. Пахнет затхлостью и смрадом, наверное, тут когда-то бомжи обитали. Вдруг улавливаю пряный аромат, дым кубинских сигар. Створки полно-

стью разъезжаются, выбирая меня из тьмы помещения. Добыча загнана – их лица довольны: «да тут даже подпол есть, туда и скинем». Ко мне шагает Серега:

– Не такая ты и умная, как говорили, скрипачила. Сыграй нам, а то потом не до того будет, – и швыряет в меня скрипку, та бьется об стену, и тугая струна со звоном отрывается. Я не могу пошевелиться, – Не хочешь? Ладно, тогда мы поиграем.

Он прижимает меня к полу, накручивает мои волосы на руку, другой – расстегивает ширинку. И тут вдруг заходится в приступе кашля, никак не может остановиться. Скачивается с меня, хватается за горло, бьет по груди. Остальные обеспокоенно подпрыгивают к нему, но помочь не могут. Из рта Сереги идет пена, он остервенело трет глаза и кричит, чтоб дали воды. Но воды нет. «Пиво» – вспоминает чернявый и несется к машинам, пробегает пару метров и падает. Тоже кашляет, трет лицо, ногтями ковыряет глаза, наверное, каменная пыль попала. Я осторожно встаю и медленно вдоль стены продвигаюсь к выходу.

Возвращаюсь к ним через пять минут, куртка и юбка на мне. Вся десятка корчится в кашле, выхаркивая белесую с красными каплями пену. Иду напрямиком к Сереге, по пути вырывая с корнем струну из скрипки. Он пытается что-то сказать, но не может. Зато могу я:

– Я жила и думала, что никто не имеет права травить других. Просто потому что сильнее. А потом встретила вас. Вы

меня переубедили. И знаешь, я не только умнее, чем говорят, но и сильнее. Между прочим, курить вредно для здоровья. Мало ли какую отраву при закрутке добавили на фабрике. Или в квартирке на третьем этаже. Меня, кстати, Настенькой назвали в честь младшенькой из Аленького цветочка. Надо соответствовать: вот я себе цветочек и выпросила – красивый и очень ядовитый олеандр.

Я наклоняюсь над Серегой, обкручиваю его шею струной и резко тяну концы в разные стороны. Открываю подпол и скидываю их всех туда. Пока живые, но рябина пророчит лютую зиму.

Часть третья

– Настенька, как же ты не боишься так поздно одна ходить. Не дождался вчера тебя, сон сморил. Как репетиция прошла?

– Ой, папа, решили сразу отчетный концерт дать... Такая экспрессия, даже струна порвалась. Дай, пожалуйста, денег, скрипку перетянуть.

Валерия Абрамова / @astarta_demetrious

Рассказ: «Сколецифобия»

Тёплое лето, мне года 3—4, дача, семейное торжество. Сидя на детском стульчике, зачарованно смотрю на огонь, как его языки причудливо танцуют на деревянных поленьях, готовящихся стать углями для приготовления сочного мяса. Дедушка с дядей сидят рядом и увлечённо о чем-то беседуют, женщины нанизывают кусочки замаринованной свинины на острые шампуры, наш доберман покорно сидит под уличным столом с голодными, молящими глазами, ожидая получить лакомый кусочек. Безмятежность. Опускаю глаза под ноги и цепенею. Рядом с моей ножкой медленно ползёт, таща своё кожаное мясистое тело, омерзительное существо. Обыкновенный дождевой червь. Не помню, как я раньше на них реагировала, но в тот момент я резко подскакиваю и отбегаю от насиженного места, сдерживая тошноту. Как я это запомнила? Почти до мельчайших деталей.

Я чуть постарше. Все та же дача. «Лерочка, давай посадим тыкву вон на ту грядку?» – желая меня занять чем-нибудь интересным, бабушка даёт мне маленькую детскую лопаточку, чтобы я сделала ямки для тыквенных семечек. Преисполненная энтузиазма, старательно принимаюсь за рабо-

ту. Детскими неуклюжими движениями разгребаю почву... вот оно. В естественной среде обитания, извиваясь, мерзко шевеля кольцами, оно бурит себе дорогу. Я визжу.

На протяжении многих лет я старательно избегала контакта с почвой, либо, все же перебарывая себя, во время посадок постоянно всматривалась в земляные недра в поисках врага, чтобы незамедлительно отскочить. К сожалению, свести к минимуму контакт с источником фобии не удавалось, так как даже в городе, а особенно после дождя, эта мерзость выползала асфальт.

Я в зоологическом музее. Хожу, с интересом разглядываю экспонаты, замороженно дергая маму, расспрашивая об особенно заинтересовавших вещах. Зачем я зашла в секцию паразитов, где первое, во что упёрся мой взгляд-заспиртованный бычий цепень? Солитеры, гельминты, аскариды... Ах да, чтобы даже мысли не было не помыть лишний раз руки. И не есть полусырое мясо.

Должна отдать себе должное. Лет в 10 я решила, что страху таки надо дать бой и напросилась с бабушкой на рыбалку. С трудом сдерживая рвотные позывы, я наблюдала, как бабушка с друзьями насаживают извивающиеся безглазые куски мяса на крючок, а когда мне предложили проделать это самой, резко поняла, что попала. Как только мои пальцы дотронулись до червя, ощутив его теплое, мерзкое шевелящееся тело, внутри взорвалась такая гамма чувств, начиная от цепенеющего страха и заканчивая яростью, которой мог-

ли бы позавидовать берсерки. Что я говорила тогда-не помню, но источник беспокойства был ликвидирован тотчас же.

Стоит ли говорить, что лабораторную в школе, где нужно было изучать этих созданий под микроскопом, я благополучно проболела? Рассматривать каждый миллиметр кольчатого тела без каких-либо видимых отверстий было выше моих сил. Как-то в детской голове возникла мысль: как можно взглянуть страху в глаза, если глаз нет? А если бы были? В красках, до мельчайших деталей представив червя с глазами на острой конусной морде, покрытыми тонкой пленкой кожи (должны же они быть как-то защищены от попадания в них земли), я резко прокляла свою богатую фантазию.

И вишенка на торте. Когда я работала в Курчатовском институте, там был лес, который нужно было проходить каждый раз, идя от моего здания в главное. А этот маршрут, по долгу службы, нужно было проходить достаточно часто. Все бы хорошо... Как бы не дождливая погода, которая превращала уголок безмятежности в филиал моего личного ада. Пешеходная дорожка сплошь усеивалась копошащимися, жирными, где-то наполовину раздавленными, а где-то весьма целыми и отвратительно длинными беспозвоночными, от чего коченели конечности, все тело натягивалось будто струна, а ладони холодели даже в 30 градусную жару.

После смерти хочу, чтобы меня кремировали. Своё тело я им не отдам.

Людмила Райот / @dreamwrite

Рассказ: «Мертвая девочка»

Медленные, неуверенные шлепки ног по паркету. Стук падающих капель. Черная, сторбленная фигура в углу комнаты – сливающаяся с темнотой, но ужасно реальная. Грязное белое платье, свисающие плетьюми руки и скрывающие лицо волосы. С нее течет вода.

Я тормошу спящего мужа, он встает и включает свет. Она исчезает, чтобы, стоит ему уснуть, опять высунуть свою мерзкую голову.

Мертвая девочка из фильма «Звонок». Она со мной лет с тринадцати. Я смотрела только начало фильма (весь просто не смогла), но отчего-то приглянулась ей.

Я выкинула телевизор и занавесила тканью монитор компьютера – оказалось, техника ей необязательна. Она вылезает прямо из стен, извиваясь, словно червяк, и упираясь в них изломанными под неестественным углом руками. Медленно заходит в спальню, раскачиваясь из стороны в сторону и подглядывает в окно. Прячется за шторкой в ванной, когда я ночью иду в туалет и хватается за ноги из-под кровати.

Я несколько раз переезжала, чтобы убежать, спрятаться от нее за тысячи километров. Месяц-два облегчения, и она снова шлепает по паркету, оставляя за собой лужи воды.

Единственное место, где я могу спать спокойно – в поездках за границу. Там она просто не успевает меня найти.

Я крестила квартиру, вызывала магов, ясновидящих, экзорцистов. Все бесполезно. И постепенно я привыкла. Поняла – она мой крест. Моя судьба.

В моей жизни все текло и перестраивалось. Города сменяли друг друга, друзья появлялись и исчезали, любовники приходили и уходили. Только она оставалась неизменной.

Маленькая мертвая девочка. Испуганная и очень одинокая.

И однажды, когда она снова покажется в моей спальне, я не буду прятаться и убегать. Я подойду прямо к ней и возьму ее за руку. Уберу в сторону ледяные мокрые волосы и посмотрю ей в лицо.

Я посмотрю своему страху в глаза и пожалею его. Приму, как часть себя.

И после этого она исчезнет навсегда.

Часть 2. Не оглядывайся

Ея Рocco / @ryzhest76

Рассказ: «Сегодня я пришла за тобой»

Ты ворвался в мою жизнь южным ветром, обжигающим нервы. Закружил в ритме танго и сорвал мои маски, развеяв их пепел над морем. Обнажил мои страхи. Оголил мои дикие фантазии. Воплотил в реальность странные мечты.

Мы отжигали вместе, на грани фола, щекоча нервы друг другу, ступая по лезвию опасных ощущений. Ты – хищник. Я – жертва. Ты поймал меня, потому что я хотела быть пойманной.

Ты думал, я умерла, когда прятал меня в могиле, вырытой у старого дуба в самом сердце заброшенного парка, вдалеке от нахоженных троп.

Ты даже не мог представить, что твоя жертва – замученная тобой, преданная, униженная, убитая – выживет. Вырвется из могилы. Вернётся.

Сегодня я пришла за тобой.

Скрипнула дверь. На веранде зажглась тусклая лампочка под стеклянным абажуром. Ты вышел из дома неторопливо и почти бесшумно. Но я научилась слышать тебя, свобод-

ный зверь – раб привычек. За последний год вечерний ритуал так и не изменился: сигара и бокал выдержанного коньяка «Арарат Наири» неизменно в десять вечера в старом скрипучем кресле, оставшемся от прежних хозяев. Спичка чиркнула по коробку, запахло крепким доминиканским табаком. Вспыхнувший огонек на секунду вырвал твой контур из объятий ночи.

Летняя южная ночь, такая сладкая, такая пряная, щекотала ноздри ароматом цветов и трав. Такой же бархатной ночью я умерла, почти сбежав от тебя. Но я выжила и вернулась. А ты снова вышел на охоту. В горле заклокотало прошлое, и я сжала руками шею, чтобы звериный крик не вырвался наружу.

Я сильнее вжалась в шершавую кору дерева, прячась поглубже в тень.

Но ты все равно услышал. Замер, насторожено вглядываясь в темноту за порогом террасы. Я боялась дышать, уговаривая испуганно пляшущее сердце не выдавать зверю, где спрятался охотник.

Спустя минуту ты обнаружил мой подарок на широких перилах. Деревянная коробочка благородного винного цвета с брендом известной компании, выпускающей твой любимый напиток, привлекла твое внимание. Но хищника сложно обмануть: он спинным мозгом чует западню. Ты не торопился взять ящик в руки, а потом заметил белеющий уголок картонки, лежащий сверху.

Прочитав записку, ты хмыкнул и уже расслабленно откинул крышку бокса, взял в руки бутылку, глянул на этикетку. Да, твоя нынешняя жертва вполне могла позволить себе красивый жест: единственная наследница приличного состояния с волосами цвета темно-красной меди. Такими же, как у меня. Сирота. Как и я.

Я осторожно выдохнула. Первая часть плана сработала на отлично. Я слышала, как тонкой струйкой вливается коньяк в пузатый хрустальный бокал. Скрипнуло кресло, когда твое тело опустилось в него. Приятный табачный аромат смешался с тонким запахом коньяка.

Замерев, почти слившись с ночью, я слышала, как ты сделал первый глоток. Посмаковал его, перекатывая на языке. И отпустил в путешествие по гортани.

Ждать оставалось недолго. Где-то вскрикнула птица, и я вздрогнула, выныривая из собственных фантазий. Как жаль, что я не могу сегодня осуществить все свои мечты с тобой. Ты хороший учитель. Я могу повторить все, что ты проделывал со мной в подвале этого дома, когда решил, что игрушку пора менять.

Я прислушалась. Тишина окутала мир. В темноте слабо освещенной галереи в бержерке едва-едва угадывался твой силуэт. Я вышла из тени, осторожно ступила на хрусткую дорожку, посыпанную гравием. Я научилась носить тяжелые армейские ботинки, не создавая шума. Тихо, шаг за шагом, я кралась к тебе, кутаясь в ночную темноту.

Я чуяла твоё напряжение. Ты уже знал, что смерть пришла за тобой, но ничего не мог поделать. Отличный коньяк я приправила прекрасным средством, парализующим тело, но не оставляющим жертве шанса на безболезненную смерть. То, что я сегодня сделаю с тобой, ты будешь чувствовать так же отчетливо, как и я когда-то.

Под моей ногой скрипнула нижняя ступень. Я совсем про нее забыла, но это уже не важно. Я вижу узнавание в твоих глазах. Я улыбаюсь.

– Здравствуй, – говорю я тебя и подхожу ближе.

Звериный оскал проступает на твоих губах, стирая налет цивилизации с пойманного в ловушку зверя. Ты пытаешься встать, и это тебе почти удается. Перевернув кресло, ты падаешь на пол, не оставляя попытки подняться. Ненависть и ярость раздирают твои внутренности. И беспомощность.

– Не ушибся, любимый? – участливо улыбаюсь я.

Ты упрямо ползешь в сторону дома. Да-да, как же, я помню: оружие в верхнем ящике шкафчика в прихожей.

– Ну, куда ты? – сочувственно интересуюсь я. – Не бойся... Больно будет, – обещаю пойманному монстру, и изо всех сил бью тяжелым металлическим носком в бок. И еще раз. Еще и еще.

Зубы клацают, из горла мужчины вырывается низкий рык.

– Надо же, силен, – удивляюсь я и замечаю недопитый бокал.

Все-таки инстинкты зверя преодолели желания челове-

ской плоти. Теперь надо спешить. Я притащила инвалидное кресло, с трудом усадила тебя в него и покатила к машине. Твое сопротивление мне надоело, и я аккуратно отправила тебя в нокаут. Так, как учил меня инструктор по самообороне. Бывший спецназовец.

Когда мы добрались до места, ты уже пришел в себя и даже попытался улизнуть. Наверное, я маловато добавила яда в твой коньяк. Тем лучше. Твои глаза распахнулись, когда ты узнал место.

– Приятно, не так ли, вернуться туда, где все началось год назад? – опираясь на лопату, стоя в шаге от своей бывшей могилы поинтересовалась я у своего убийцы. – Но я дам тебе шанс. Пошевели пальцами, – попросила я, наблюдая за своей жертвой.

– Хорошо, – я удовлетворенно кивнула. – Яд постепенно прекращает свое действие. Через полчаса к тебе вернется чувствительность, – я отбросила инструмент и присела на корточки, чтобы заглянуть тебе в глаза. – До утра далеко. Успеешь уйти – я не трону тебя. Видишь, я помню правила игры, – улыбнулась я, и, повернувшись спиной, принялась негромко считать:

«Раз, два, три, четыре, пять,

Я даю тебе сбежать.

В спину я тебе дышу.

Не волнуйся: не спешу.

Раз, два, три, четыре, пять,

Скоро я пойду искать,
Этой ночью берегись,
В последний раз ты помолись.
Раз, два, три, четыре, семь,
Мне искать тебя не лень,
Далеко ты не уйдешь,
Здесь пристанище найдешь».

Досчитав, я медленно повернулась. Тебя уже не было. Но это было неважно. Чтобы поймать монстра, нужно стать монстром. Я знала, где тебя искать. Я слышала твое дыхание. Впервые я чувствовала терпкий запах твоего страха. Я улыбалась, не торопясь шагая по старому заброшенному парку. Ты был хорошим учителем. Сегодня я пришла за тобой.

Анна Лазарева / @writer_anna_lazareva

Рассказ: «Он всегда появляется после заката»

Вы знаете, что если спрятаться в шкафу или под кроватью, то монстр вас не найдет?

Он появляется после заката, рыщет по комнате в поисках меня. После перенесенной операции, я уже три года не выхожу на улицу. Но я не жалуясь. Мне нравится моя жизнь.

Всё замечательно, если бы не ЭТО. Я не знаю, что это за тварь и откуда она взялась. Я просто знаю, что она не успокоится, пока не заберёт мою душу в Ад.

– Ты уже большой, – говорит Даша. – Ты должен понимать, что монстров не существует.

Много она понимает! Я люблю Дашу и не хочу ее расстраивать. Я вижу, как она устаёт, работая допоздна. Но этой твари нужен именно я. И рано или поздно она до меня доберётся.

Я не был готов к её появлению, ведь за окном ещё светило солнце.

Ничего не подозревая, я иду в спальню, чтобы вздремнуть. Мерзкое чудовище сидит возле моей кровати. Спасительный шкаф позади него. Он перекрыл мне путь. Хитрая тварь! Это не человек, не животное, не призрак. Что же ты

такое?

Он смотрит на меня исподлобья. У него шипы на спине, длинная уродливая шея и тонкий крысиный хвост. Я затаил дыхание. При виде меня он растягивает зловонную пасть в некое подобии улыбки. Бежать! Бежать! Бешено стучит мое сердце. Может спрятаться в ванной? Успею ли я? Чудовище издает протяжный рык и бросается на меня. Я бегу. Главное, не оборачиваться. Я должен успеть. Позади доносится оглушительный рев. Он мчится за мной по пятам. Вот уже и дверь в ванную. Но она... закрыта! За доли секунд я принимаю решение и несусь на кухню. По стол! Может там он не достанет меня? Я резко влетаю в поворот, поскользываюсь и въезжаю миску с водой.

– Барсик! Мать твою, кошку, за ногу! – прикрикнула Даша, выключая пылесос. – Ты нормальный вообще? Я еще спальню не успела пропылесосить, так теперь и на кухне полы мыть! Зря тебя что ли кастрировали? Дури ни на грамм не поуменилось!

Евгений Демин / @deminestory

Рассказ: «Bon appetit»

5 октября 2040 года. Исследовательская биохимическая лаборатория ООН «ICaRus» (International Colectivities and Russia) на околоземной орбите.

Поджарая, словно гончая, бортинженер Алиса завалилась в столовую сразу после рабочей смены. Положила скафандр и инструменты прямо на стол, разогрела обед и плюхнулась в свободный стул. «Не раскидывайся вещами!» – прозвучал в голове голос отца.

– Сегодня можно дать слабину, пап. Все ботаники заняты своим экспериментом, никому я не интересна, – вполголоса ответила молодая блондинка, – и добавила. – Ох уж эта внекорабельная деятельность. Вроде первоклассный инженер, а чувствую себя сантехником. С этой работой даже мой сосед бы справился, если бы прошел центрифугу с похмелья. Приятного аппетита... мне, – она хихикнула и принялась за еду.

Трапезу прервали – выключился свет.

– Так даже уютнее, – поблагодарила Алиса и стала набивать рот горячей едой, она знала, что ее могут вызвать на сверхурочную смену из-за этого отключения.

Загорелись оранжевые светодиоды и закрывала сирена – код опасности «высокий». Она застыла с открытым ртом и из него повалилось пюре, так тщательно туда набитое.

– Нет! Подопытным хомячком я не буду! – выпалила Алиса. Она вскочила со стула и подбежала к двери со стороны стыкового отсека. Стала неспешно оглядывать коридор, как слышала глухие шаги, быстрые шаги. Шаги приближались. Мимо, запинаясь и оборачиваясь, пробежал профессор Розанов, самый главный экспериментатор и вообще самый главный на станции. Она проводила его взглядом. Тут же правым ухом девушка услышала, как по коридору пронеслось горловое клокочущее: «Уууррррллл», оно шло оттуда, откуда прибежало начальство. Из темноты появилась человекоподобная тварь, существо с огромной головой. Тусклый свет диодов не позволял разглядеть его детально, пока оно не приблизилось. Оно было почти напротив и снова издало свой угрожающий клич. «Уууррррллл», – затаило существо с головой осьминога нанизанной на человеческое тело. На его шее открылся дыхательный клапан и капли влаги брызнули на стекло. Щупальца растопырились и обнажили острые зубы вокруг круглого рта. Из него высунулся длинный язык с отверстием на конце и зашевелился, будто что-то нащупывал в воздухе. Вдруг он замер, но в тот же миг осьминожье отродье нечеловеческим прыжком настигло жертву у стыковочного отсека. Профессор только и успел, что вскрикнуть: «Нет!», но было уже поздно. Тварь придавила

его к полу, моментом свернула шею и присосалась к артерии, утоляя голод.

– Фан, блин, тастика, – Алиса буквально стекла по двери. Она сидела на полу, запустив руки в волосы, и с силой надавливала на виски.

«Не выражайся на людях!», – прозвучал строгий голос.

– Людей здесь нет, папа. Что мне делать? Если бы только ты был рядом...

Она откинула голову назад и погрузилась в воспоминания о счастливом детстве: вот она бежит по тротуару и прыгает по весенним лужам, крича от радости, не замечая ничего вокруг. Вот бежит следом папа, ловит ее за руку и поворачивает к себе. Его взгляд строг, сейчас он скажет что-то поучительное, как всегда: «Алиса, доченька, смотри по сторонам пожалуйста! Видишь люк? Я не хочу, чтобы ты в него провалилась! Мы же потом можем больше не увидеться...»

– Спасибо папа, ты гений, – пришла в себя девушка. Она смотрела на дверь, ведущую в исследовательский отсек, откуда сбежала тварь. Другая дверь придавала ей опору. Сирена отключилась, светодиоды погасли. В тишине и темноте она слышала только свое дыхание и копошение за стеной, периодически прерываемое довольным урчанием уродца.

Свет снова зажегся, но на этот раз загорелись красные диоды. Сирена уже не крикала, она выла. Роботический женский голос, пробивающийся через нее, вещал: «Самоликвидация, самоликвидация, самоликвидация».

Она знала, что оставалось не больше 10 минут. Отменить процесс без профессора не выйдет, это Алиса знала тоже. «Одеваться нужно по погоде», – не унимался голос отца. Она быстро проверила инструменты. Все что ей требовалось – это тросы со стягивающими кольцами. Один для профессора, другой для себя. Другого не оказалось. Алиса опустила голову и слезы застучали по металлу. Чувство безысходности наполнило ее, хотелось кричать, но она не могла. Хотела ударить по столу, но не могла даже сжать пальцы в кулак, будто все силы покинули ее.

Она уже была готова сдаться, если бы только не голос в голове: «Кто первый оденется и добежит до ворот, тому мороженное».

– Мороженное я люблю, – встрепенулась Алиса. Она чувствовала, как все в ней закипает. Мышцы напряглись, готовые к рывку. Быстрый сбор. Через минуту она уже стояла на углу коридора во всей амуниции. Девушка подняла визор.

– Эй ты, хентай ходячий! – окликнула Алиса существо. – Оторвись от холодных закусок, пора переходить к горячему!

Хоть она едва слышала свой голос, заглушаемый ревом сирены, существо отреагировало и прервало свою кровавую трапезу. Его голова повернулась и длинный язык снова заплясал свой танец смерти.

– Ну давай, скотина, ищи... – нетерпеливо шипела девушка, готовая рвануть с места. Серо-зеленые глаза впивались во мрак и ждали. Ждали, когда танец будет завершен. Пора!

Визор опустился, щёлкнув механизмом. Девушка свернула за первый угол. Тяжёлые ботинки застучали по полу. Руки быстрыми движениями рассекали воздух, пока сердце и дыхание ускоряли свой темп. «Только не оглядывайся, когда бежишь, а то упадёшь!» – кричал голос ей в след. Второй угол. Алиса влетела в столовую и захлопнула дверь что было сил. От спринта зажгло лоб и загудели ноги. Существо ударило с той стороны двери, его рот был раскрыт и язык облизывал маленькое окошко.

– На первом свидании целоваться с языком? Да вы нахал, мсье! Мы не в Париже!

Алиса бросилась к стыковочному отсеку. Прицепила при помощи троса тело профессора к кислородной трубе. Электронным ключом разблокировала люк и приготовилась нажать кнопку, чтобы открыть ворота в бездну. Существо не заставило себя долго ждать. Оно быстро приблизилось и прыгнуло на свою добычу. Алиса вжала кнопку, упала навзничь и ухватилась за профессора. Воздух, наполнявший коридоры станции, рванул наружу, увлекая за собой труды эксперимента, но существо успело присосаться своими щупальцами к ботинку. Существо повисло на ноге Алисы. Оно не могло ни до чего дотянуться своими руками, но оно отнимало драгоценные силы, которые таяли с каждой секундой.

«Папа, мне страшно, так высоко! Я упаду!» – вновь услышала она свой детский голос. «Не бойся! Ты, главное, держись за мою голову крепко-крепко. Алиса! Только не гла-

за!» – вторил ей отец.

Снова реальность и чувство как ее тянут за собой. «Нет!» – она зажмурила глаза. Щупальца облепили и сдавливали ботинок. Сломанная шея профессора уже сильно растянулась и готова была оторваться от тела. Хватка Алисы стала слабеть.

«Эй, вы, там наверху! Расслабьтесь и получайте удовольствие» – подбадривал внутренний голос. Она расслабила ноги и ботинок соскользнул, унося в пустоту уродца с головой осьминога. Его фигура становилась все меньше и меньше, пока совсем не исчезла. Тяга тоже исчезла, как вовремя. Алиса закрыла обратно отсек и взглянула на начальника.

– Профессор, вы меня извините, но мне нужен ваш глаз. Подождите меня пока здесь, я только десертную ложку возьму.

Как бы прихрамывая на одну ногу, Алиса направилась закончить начатое.

Алекс Бэнг / @writer_alex_bang

Рассказ: «Рабочий»

– Поздравляю, вы приняты! – женщина в строгом пиджаке поднимается со стула и жмёт мне руку. Ох, десятки собеседований и вот наконец-то я здесь. Полноправный член коллектива. Меня проводят через коридоры и кабинеты, показывая всю компанию изнутри.

Люди спуют тут и там. Работа кипит, и мне это по душе.

– Нравится?

– Ещё бы, – провожу рукой по станку, а сам уже думаю о ближайшей зарплате.

– Может, сегодня и приступите? – улыбается женщина.

Выходить в смену нужно только завтра, но я киваю. Почему бы и, правда, пораньше со всем не ознакомиться?

– Сейчас выдам вам халат, – говорит она, а я замечаю, что где-то успел вымазать пальцы. Краска, что ли? Красная. Украдкой вытираю о штаны.

– О, новенький, – ко мне подходит мужичок с вымотанным лицом и быстро настраивает станок. Детали быстрым конвейером бегут на ленту. – Ну вот, здесь так и так... – начинает объяснять он, только успевай запоминать. А я даже не могу слово вставить, когда на меня накидывают халат.

– Подожди, а тут? – мои руки уже ставят на резец. Но ра-

бочий, махнув рукой со словами: «разберёшься», убегает. Качаю головой и пытаюсь разобраться. Может, кого попросить помочь? Окидываю взглядом остальных, но все выглядят слишком занятыми, даже нервными какими-то.

– Нужно больше деталей, больше, – проходит мимо меня один в халате. Лицо такое бледное, что, кажется, сейчас упадёт в обморок.

– Эй, ты в порядке? – но он словно меня не слышит. Только бормочет что-то под нос. И уходит.

Пожимаю плечами. О, пошло. Детали опять начали двигаться, и я приступил к работе...

– А вы не собираетесь домой? – спросил я одного из рабочих, снимая халат. На моих часах прошло больше часа с момента окончания рабочего времени, но все продолжали работать, и, судя по всему, уходит никто и не собирался.

Мужчина недовольно покачал головой, словно я собрался уйти посреди рабочего дня.

– Работать, надо больше работать, отдохнуть ещё успеешь, – произносит он. – Деньги же хочешь?

Вот передовики производства!

«Ладно, еще пять минут», – решаю я про себя и опять надеваю халат...

* * *

Незаметно втягиваюсь. Каждый день остаюсь все позже и позже. Я здесь уже год, два, сколько?

Работать, работать, работать...

Противные гудки телефона отвлекают от дел. Разве неясно, что все ради вас? Потом... потом будет больше времени для отдыха и болтовни. Раздражает. Нажимаю на кнопку «Отключить». Теперь никто не отвлечёт меня от работы. Поесть можно на ходу. Хотя в последнее время я вообще предпочитаю отказываться от еды. Экономит драгоценные минуты. С неодобрением смотрю на прибывших новичков. Мнутся... жмутся... и пытаются слинять. Когда надо работать. Каждая минута на счету. Меньше сна. Спать можно в каморке на производстве. Ставлю будильник. Четыре часа достаточно.

На ходу ем бутерброд, не отрывая рук от станка. Два часа достаточно для сна? Детали расплываются перед глазами. Капли кофе падают на пол. Много кофе и работать. Не переставая. Не отвлекаясь. Иногда слышу, как что-то падает и хрустит... будто ветки переламывают. Но разве тут есть дерево? Снова краска. Смотрю на свои джинсы. Вытертых красных капель стало больше. Ничего. Главное, деталей тоже больше. Отдохнуть ещё успею. Вот заработаю, тогда всё. А сейчас... а сейчас... Конвейерная лента становится ближе к глазам. Шмяк... хрумс...

* * *

- Нравится? – спрашивает женщина в строгом пиджаке.
- Да, – отвечает ей парень, кладя руку на станок. – Ой, – он смотрит на свои пальцы, окрасившиеся в красный.
- Всего лишь краска, – пожимает женщина плечами.

Лена Улей / @lenauley

Рассказ: «Анестезия»

Сегодня я сходила к стоматологу. Мне поставили первые коронки, и это было очень больно. Как будто зубья пилы застряли в мякоти еще живой плоти и шевелились там.

Не пойму, отчего так? Вроде бы под анестезией, а все без толку. Да еще этот запах коньяка изо рта врача. Сказал, что его угостили конфетами с ликером в обед, но верится с трудом. Жаль, что дурацкая страховка оплачивает коронки только в этой клинике, где один единственный ортопед.

Несколько раз я умудрилась грохнуться в обморок. И кресло испачкала кровью. Видимо, врачу надоело со мной возиться, и он вколол вторую дозу анестетика. Сейчас у меня кружится голова, а предметы вокруг плывут, теряя свои очертания. Однако вместе с болью к языку и деснам постепенно возвращается чувствительность – это радует.

Я уже дважды сменила ватный шарик во рту, но десна все ещё кровит. Слава богу, доктор предупредил о возможном кровотечении из-за высокой чувствительности десен.

Привкус железа на губах не может сбить даже любимая помада.

Несмотря ни на что, решаю вознаградить себя за перенесенные страдания шоппингом.

В нескольких километрах от клиники как раз есть торговый центр. Он построен на месте старого кладбища. Люди говорят, что это место «темное» и обходят его стороной. А мне плевать на слухи. Интересно только, как это торговое пространство до сих пор не обанкротилось.

* * *

Захожу в стеклянные двери, и на мое обоняние сразу набрасываются сотни разных запахов: от ароматных дорогих духов до аппетитного непрожаренного стейка с кровью. Бесцельно таскаюсь от павильона к павильону.

В каждой торговой точке приветливые продавцы одолевают размазанными лицами. А у меня до сих чуть плывет картинка перед глазами. Из покупателей здесь только я и мухи, которые по-хозяйски облепили все стеклянные витрины. Отгоняю их, чтобы рассмотреть товар. Насекомые навязчиво жужжат перед лицом, норовят сесть мне на подбородок. Одна муха пытается добраться до узкого отверстия носа...

Какие плотоядные мухи! А может их влечет запах лекарства? Мне вновь становится душно. Нужно отсюда уходить. Ретируюсь к ближайшей лавочке, чтобы немного прийти в себя и не свалиться без сознания прямо тут. Зажмуриваюсь, и меня накрывает свежая порция боли. Анестезия уходит.

* * *

Через несколько минут открываю глаза и обнаруживаю се-

бя стоящей у очередного павильона. Он выглядит достаточно привлекательным. Здесь много вещей, которые мне нравятся. Их даже можно примерить.

Мне приходится собрать волосы в крысиный хвостик, чтобы хоть как-то остудить вспотевшую шею. Вытираю скользкие холодные руки, пытаюсь остыть и согреться одновременно. Смотрю на свои пальцы – трясутся. Трижды встряхиваю руками, дрожь исчезает.

Я захожу в приветливо распахнутые двери, стараясь не слушать постанестезийный бред уставшего мозга. Мне приглянулось платье с зеркальным черно-белым принтом из клякс, похожих на те, что в тесте Роршаха.

Девушка с неестественно длинными и густыми ресницами и уставшими глазами предлагает мне свою помощь. Вежливо отказываюсь и иду в примерочную. Странно, но все кабинки оказываются заняты. За пластиковыми дверками я слышу шорохи и тихие разговоры. Чужие голени и щиколотки то появляются, то исчезают из виду, топчутся по затертым до дыр коврикам.

* * *

Примерочная номер 17. Несчастливое для меня число. Поскольку именно семнадцатого родилась я и умерла моя мать. В такую же дату погибли брат и отец. Хорошо, что сегодня не 17 число. Странно, здесь единственное зеркало на двери, к которой я сразу повернулась спиной. Надеваю платье и начинаю разворачиваться, чтобы оценить наряд.

И тут в мой слух врезается тонкий визг, сквозь который я едва различаю слова:

– Не оглядывайся. не оглядывайся! – голос из ниоткуда становится все громче и настойчивее. Он проникает мне под кожу, оставляя колючие мурашки. Он словно у меня в голове, засел и повторяет одну и ту же фразу. Начинаю нервно трясти головой. Я скорее хочу избавиться от навязчивых звуков. Однако они лишь усиливаются, заполняют собой пространство. Сжимают его до крохотного пятка на коврике.

Мои ноги начинают судорожно дергаться на месте, чтобы прогнать галлюцинацию. Черт, даже платье снять не могу, чтобы убраться отсюда без последствий. Я пытаюсь позвать на помощь, но от собственного голоса меня тошнит. На коврике оказываются остатки вчерашней пищи. Кончик моего капронового носка задевает розовый кусок непереваренной докторской колбасы. Я поскользываюсь и в попытке удержаться на ногах нечаянно смотрюсь в зеркало.

* * *

Оттуда на меня глядит обреченное существо. Оно похоже на меня, как сестра. Это девушка с рыжими волосами и бледной кожей точь-в-точь как у меня.

Худые измазанные в земле пальцы, на которых с корнем вырваны ногти, призывно тянутся ко мне. Пустые глазницы глубоко вдавлены в череп, а из них оттуда вылетают темно-зеленые мухи. Как те, что облепили мое лицо в магазине. Только сейчас их гораздо больше – сотни, может, тысячи.

Все они летят прямо на меня, но разбиваются о стекло.

От ужаса я плюхаюсь на пол. Мои локти скользят по остывшей рвоте. Насекомые упорно продолжают давить на зеркало. И оно сдаётся. Трескучий рой мух и вой обнаженной девицы облепляют меня со всех сторон. Она выходит из разбитого зеркала и, хищно улыбаясь, тянет ко мне свои грязные руки. Ее рот с криво пришитыми губами открывается. Замечаю, как много там зубов. Кажется, они способны перемолоть в пыль человеческие кости.

Я кричу, что есть сил. И не слышу себя. Не понимаю, что делать. Только пчусь назад в надежде спастись. Девушка хватается меня за шиворот, как испуганного котенка, и заинтересованно принюхивается:

– Сладкая. Видите, какая она сладкая, – существо разговаривает с мухами. Я слышу, как причмокивая она вонзает зубы в мою правую сторону лица и тут же выплевывает белые коронки со шматком мяса. Щека болезненно кровоточит, я беспомощно болтаюсь у нее в руках и жду, когда это мучение закончится. Закончится вместе со мной и насовсем.

Между тем, девушка из зеркала прокусывает мне левую сторону груди, прогрызая себе путь к бешено пульсирующему сердцу. Она отрывает куски моей кожи и отправляет окровавленные лохмотья в свой уродливый рот. Существо чавкает моими жилами и довольно гогочет.

– Не оглядывайся...

Это последнее, что я слышу.

– С вами все хорошо? – вижу, как прямо мне в лицо заглядывает девушка. Нормальное человеческое лицо.

– Да, вполне, – я растерянно оглядываюсь по сторонам. Щупаю правую сторону щеки – все в порядке. Лицо на месте. Провожу языком по зубам и деснам: щека целая, коронки на месте.

– Вы ненадолго отключились на лавке перед нашим бу-
тиком, – пояснила девушка с усталыми глазами. Точно, это она! Я видела ее в своем бредовом сне. Даже черный бэйдж с алой надписью Аида. Удивительное совпадение.

Может, это проделки анестезии? Говорят, чего только не привидится под наркотой.

– Хотите я вам чай принесу? Посидите у нас, отойдете, – искренне предлагает Аида.

– Да, было бы кстати. Эта чертова анестезия не отпускает, – понимаю, что сейчас в таком состоянии далеко не уйду, поэтому соглашаюсь на предложение.

Продавец-консультант резво подхватывает меня под руки и ведет в павильон. На витрине висит платье, которое я видела во сне – с двумя кляксами-медведями как в тесте Роршаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.